

Александр Михайловский
Александр Харников

МИРОТВОРЦЫ

Путь в Царьград - 3

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Миротворцы

«Автор, Автор»

2014

Михайловский А. Б.

Миротворцы / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2014 — (Ангелы в погонах)

Турецкая армия в Болгарии сокрушена и превратилась в стаи разбегающихся мародеров, скоротечная русско-турецкая война закончилась. Пришло время творить новый мир, не похожий на прежний. После того как наемными убийцами при въезде в Софию застрелен русский император Александр Второй, вошедший в историю как Царь-Освободитель, и на его место взошел его старший сын Александр Третий Сердитый, на планете Земля досрочно наступил двадцатый век. Все смешалось в европейских делах; совместная российско-югославско-германская следственная комиссия роет носом землю. Горячий след ведет в Вену, император Франц-Иосиф в ужасе. Но так ли все просто на самом деле? В разгар расследования британский премьер Дизраэли неожиданно решает уйти из жизни после встречи с королевой Викторией. Что это – попытка уйти от ответственности за организацию цареубийства, или тут замешаны еще какие-то скелеты из британского шкафа? И в это же время в окружении югославского канцлера Тамбовцева начинают вращаться американцы-конфедераты и борцы за свободу Ирландии. Над Североамериканскими Соединенными Штатами и Британской Империей сгущаются тучи и гремит гром – все в соответствии с заветами о том, что на планете Земля у России и Югославии должны остаться только хорошие соседи. Ранее книга публиковалась под названием «Встречный марш».

© Михайловский А. Б., 2014

© Автор, Автор, 2014

Содержание

Часть 8. «Царь-Освободитель»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Михайловский, Александр Харников Миротворцы

Александр Михайловский
Александр Харников

* * *

*И как сказал мне посевший Горец
Чья армия сильнее – тот Миротворец*

Часть 8. «Царь-Освободитель»

25 (13) июля 1877 года. Лондон. Букингемский дворец.

Королева Виктория и премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли.

Закутанная в мешковатые черно-серые одежды, королева Виктория напоминала старую, грязную, толстую крысу, завсегдатайку городской помойки. В течение последнего месяца после исчезновения ее русской невестки она все больше и больше впадала в глубокую меланхолию. Дела шли из рук вон плохо. Пользуясь состоянием необъявленной войны, русские захватили контроль над Суэцким каналом и полностью разрушили идущую через него британскую торговлю. Русскими же вспомогательными крейсерами блокирована Мальта, и совершенно неизвестно, что там сейчас происходит. Может быть, остров-крепость тоже уже пала. Романовы считают Мальту своей личной собственностью, унаследованной ими от Павла I, и узурпированной Британией. Русские с такой легкостью разгромили Османскую Империю, будто это не страна с многовековой историей, а какое-то первобытное племя из джунглей Амазонки. И самое главное, впервые за много лет Британии от этого ошеломляющего успеха русских перепало ни кусочка.

Желая победить свою хандру, Ее Королевское Величество все чаще заглядывала в рюмку с виски, но, как ни странно, это помогало мало: настроение улучшалось ненадолго, зато устойчивый запах спиртного говорил всем, что королева Виктория откровенно спивается. Придворные стали бояться попадаться ей по дороге, ибо в состоянии «подшофе» она была гневлива и могла запросто выгнать со службы какого-нибудь клерка или фрейлину. Ходили слухи, что, кроме виски, королева употребляет то ли польскую, то ли новороссийскую настойку самогона на красном перце – настолько крепкую, что от полстаканчика глаза вылезают на лоб. По крайней мере, достоверно известно, что однажды она лечила этой «микстурой» своего верного слугу Дизраэли от кашля. После приема стакана лекарства внутрь кашель совершенно прошел, но зато появились красномордие, косоглазие и заикание.

Вот и в этот раз сэр Дизраэли настороженно заглянул в личный кабинет ее Величества. Беседа с бутылкой виски была в разгаре. Судя по невнятному бормотанию, королева поминала свою непутевую русскую невестку, сожранную месяц назад морским чудовищем, а также трех пропавших вместе с нею внуков. Опрокидывая стаканчик за стаканчиком, жирная старуха всея Британии, давшая название целой эпохи – Викторианство, – вслух беседовала с покойницей, жалуясь на свою печальную судьбу.

К превеликому огорчению, у юркого Дизи были совсем другие сведения, поэтому, тихонечко постучав, он осторожно вошел, бесшумно закрыв за собой дверь.

– Ваше Королевское Величество... – тихо позвал он.

– А, это ты? – Виктория была уже изрядно поддтая. – А я тут русскую Марию поминаю, сожрал ее морской змей. Черт бы с ней, русской стервой, да внуков жалко. Хорошие были внуки, здоровые. Эта чертова дура их своей грудью кормила, не жалела, не то что некоторые, что фигуру боятся испортить.

– Ваше Королевское Величество, – тихо, но настойчиво сказал Дизраэли, – у меня есть сведения, что ваша невестка, которую вы так безнадежно оплакиваете, в настоящий момент находится в Константинополе, жива и здорова...

– Что-о-о-о?! – взвилась королева. – Это ТОЧНЫЕ сведения?!

– Да, Ваше Королевское Величество, – поклонился премьер-министр, – совершенно точные. Наш агент видел ее прогуливающейся по парку бывшего султанского дворца в обществе вашего сына Альфреда и ваших внуков. Также при них была девушка, по описанию, крайне похожая на пропавшую вместе с вашей невесткой горничную-шотландку.

Королева как подкошенная рухнула обратно в кресло, прикрыв рукой глаза. Потом она отняла руку от лица и, глядя неожиданно трезвым взглядом, вполне четко произнесла:

– А как же морской Левиафан?

– Никого морского Левиафана нет! – отрезал Дизраэли. – Есть принадлежащий югороссам подводный корабль – по типу того, что выдумал этот француз Жюль Верн, и банда отчаянных головорезов, по-русски именуемая... – он достал из кармана бумажку и по слогам прочел: – «Спетц-нас». Этот «спе-тц-нас» перебил всех ваших слуг, похитил вашу невестку, взорвал яхту, и на подводном корабле доставил ее в Константинополь, где уже содержался ваш сын, попавший в плен во время злосчастного инцидента у Афин. Трогательное воссоединение любящих супругов. А за всем этим – ее отец, император Александр II, и дьявол во плоти, адмирал Ларионов.

Наступила тишина. Лицо королевы наливалось краской, будто помидор, торопящийся достигнуть финальной стадии зрелости. Дизраэли испугался, что Викторину сейчас разобьет паралич.

Потом ее Величество начала орать. Вполне нечленораздельно и с употреблением таких слов, которые могли быть известны разве что обитателям лондонского дна, а не благопристойной леди, уже тридцать семь лет сидящей на троне.

Тайфун бушевал минут пятнадцать, потом старая стерва начала выдыхаться: все-таки возраст не тот, да и выпито с утра было многовато. К тому же недоставало зрителей, которые могли бы оценить монаршее красноречие. Вот если бы так ее прорвало перед обеими палатами парламента... да еще зрители на галерке, половина из которых – писаки, британские и иностранные...

– Ваше Королевское Величество, – твердо сказал Дизраэли, – исполнить ваше пожелание в самом Константинополе нет никакой возможности. Город буквально кишит агентами их КаГЭБэ. Наш человек сообщает, что, кажется, каждый продавец в лавочке, каждый трактирщик и контрабандист работают на эту всевидящую, как мифологический Аргус, организацию. Еще тогда, когда Вы в первый раз высказали свое пожелание, я начал искать соответствующих людей. Самое главное, чтобы даже в случае неудачи и провала операции никто не смог связать их с Великобританией вообще, и с вами лично. Если русские узнают, что мы в этом замешаны, их ярости не будет предела. Даже безвольный принц Владимир, которого мы планируем оставить в живых, чтобы он мог занять трон, не сможет простить убийц отца и брата, и будет преследовать нас вечно, подобно разъяренному ангелу мщения. Поэтому, Ваше Величество, ничего британского, никаких отставных офицеров, обитателей лондонских доков, гурков, сипаев и прочей экзотики. Я бы предпочел набрать турок, но где же их взять... Во-первых, они бестолковы, во-вторых, упрямы, в-третьих, они сразу же попадут в поле зрения этого КаГЭБэ. – Он сделал паузу и продолжил слегка изменившимся тоном, призванным ободрить королеву: – Но мы нашли выход и из этой ситуации. Наш агент в Нью-Йорке вступил в переговоры с неким отставным полковником армии северян Дэвидом Бишопом. У этого самого полковника подобрана отличная команда головорезов, с которой он берет подряды на то, чтобы очистить земли, понравившиеся нанимателю, от индейцев, мексиканцев, скваттеров, золотоискателей и прочих нежелательных элементов. Как говорится: нет человека – нет проблемы. Так вот, три недели назад полковник вместе со своим небольшим отрядом отплыл из Нью-Йорка на пакетботе, идущем в Бремен. Оттуда он через Берлин и Дрезден выехал в Вену...

– Скажите на милость, – язвительно произнесла королева, – если этого вашего Бишопы поймут русские, он все равно расскажет их палачам, что его наняли британцы. Какая разница, в конце концов, и стоило ли ради этого забираться аж в Нью-Йорк?

– Ничего подобного, Ваше Королевское Величество, – скромно потупившись, сказал Дизраэли, – дело в том, что мои люди вели с ним переговоры от имени императора Австро-Венгрии Франца Иосифа. У него тоже очень большие трения с русскими, наступившими на его

любимую балканскую мозоль. Так что при наличии мотива ссылка на него будет весьма правдоподобной. А мы останемся в стороне. Так что все наготове, осталось только дать сигнал.

– Лорд Биконсфилд! – торжественно заявила королева. – Вы гений! Орден Британской Империи немедленно! Давайте я вас поцелую...

Дизраэли растерялся, и не успел вовремя отскочить, поэтому следующие пять минут напоминали иллюстрацию из учебника естествознания: «Паучиха «Черная Вдова» поедает своего неудачливого супруга».

Но все когда-нибудь кончается. Иссаяк и пламенный порыв королевы Виктории. Отодвинув в сторону своего недоеденного премьера, она заявила:

– Давайте свой сигнал, и пусть русского царя и его близких не спасут никакие силы ада! Вы поняли меня?!

Дизраэли кивнул и, низко поклонившись, выскочил из кабинета. А королева снова обратила свое внимание на позабытую бутылку. На этот раз на радостях.

26 (14) июля 1877 года. Вена. Восточный вокзал.

Бывший подполковник армии САСШ Джон Александер Бишоп.

– Эй, ты! Да поосторожнее, кому говорю! Ты что, английского не понимаешь!

Полковник Бишоп с неудовольствием следил, как флегматичный носильщик складывает багаж на полках купе в допотопном вагоне. «Эх, что за город... Что за страна... И зачем мы сюда приперлись...»

Месяц назад они сидели в салуне в Канзас-Сити, штат Миссури, после очередной успешной операции, проведенной несколько западнее этого города. На этот раз все было просто: территория расчищена, индейская деревня сожжена, старики и дети перебиты сразу, скво тоже, после употребления по назначению... Он самодовольно усмехнулся, вспоминая те последние два дня. Особенно запомнилась одна, молодая и стройная – она все чего-то там просила на своем языке, даже не противилась, когда ее провели по кругу во второй раз. Бишоп еще раз усмехнулся, вспомнив удивленное выражение на ее индейской роже, когда ее потом зарезал Джек Стэнтон, его специалист по работе ножом. Помогло то, что воины все отправились на встречу с местным армейским начальством, о чем ему шепнул один знакомый лейтенант, а единственного оставшегося в деревне застрелили его снайперы – братья Алекс и Питер Джонсоны.

Это была уже одиннадцатая деревня, которую они таким образом зачистили. В армии им только спасибо скажут – самим не придется руки марать.

Бишоп вспоминал, с чего все начиналось. Вслед за падением Атланты оттуда изгнали всех мирных жителей, после чего ее попросту сожгли – да так, что ни единого здания не осталось. Сначала ее обстреляли зажигательными ядрами, потом, после пожара, тогда еще лейтенанту Бишопу (впрочем, у него тогда была другая фамилия) было поручено сжечь несколько чудом сохранившихся домов на юго-западе. Как обычно, с задачей он справился образцово, и его даже повысили в звании до капитана.

Но в одном из этих домов они обнаружили двух девочек лет пятнадцати-шестнадцати, пропустили их по кругу, перерезали им глотки и оставили гореть в одном из домов. А то как же – уже месяц они не забавлялись с бабами. Генерал Шерман не церемонился с мятежниками, но такого своим солдатам не прощал. Хотя это был не первый и не последний раз, но ни разу никто ничего вроде не заметил.

Но годами спустя, когда они стояли гарнизоном в новоотстроенной Атланте, ничем не похожей на ту, старую и прекрасную, какая-то негритянка опознала двоих из его команды. Нет, чтобы сказать спасибо за то, что ее, свинью черную, освободили. А она возьми и доложи его начальству. К тому же один из его солдат на допросе раскололся.

Когда к нему прибежал молодой солдатик и срочно позвал к командованию, Бишоп, на тот момент уже подполковник, срочно взял тех своих оставшихся тогдашних поделщиков и покинул расположение части. И через месяц они оказались в этом самом салуне в Канзас-Сити; он решил тогда, что фамилии можно и поменять, а на Западе никто про документы не спросит, да и искать их особо не будут.

И тогда к ним подошел хорошо одетый человек средних лет и заказал им всем по стаканчику виски. После второго и третьего он наконец рассказал, что ему от них нужно. Ему были нужны земли для выпаса скота, а на них нахально расположилась индейская деревня. «Ребята вы, судя по выправке, армейские, не могли бы помочь мне с этим делом?»

Первая операция прошла далеко не так гладко, как последующие. Двух из своей команды он потерял тогда убитыми, троих ранило, но, к счастью, несильно. Их новый знакомый не только щедро заплатил (присовокупив, что не такой уж он дурак, чтобы недоплатить таким людям), но и замолвил слово, чтобы их не трогали местные власти. Более того, он рассказал своим знакомым об успехе операции, и Бишоп с его парнями стали получать один заказ за другим.

Еще трое с тех пор погибли в разных операциях, двоих застрелили местные ганфайтеры (обоих обидчиков Бишоп с компанией уничтожил, так что больше местные к ним не задирались), и у него оставалось шестеро. Братья Джонсоны были его снайперами, Стейплтон (бывший Стэнтон) оставался ножевых дел мастером, а нынешние Смит, Браун и Шерман (последний взял фамилию в честь их тогдашнего генерала) весьма неплохо стреляли из револьвера. Впрочем, и Стейплтон, если что, мог попасть из «кольта» в подброшенный серебряный доллар.

А однажды к нему подошел щегольски, не по-местному одетый человек и сказал с каким-то акцентом, смахивающим на немецкий: «Мой херр, не могли бы вы мне уделить минуту внимания?»

Они проследовали в отдельный кабинет, который, как оказалось, был предварительно заказан херром Штиглицем – так назвал себя этот человек. Он рассказал, что путешествует по Америке, и что ему порекомендовали херра Бишоп, как того, кто может многое порассказать про местный колорит.

Бишоп только хотел его послать, как его собеседник добавил, что ему про Бишоп рассказал Альберт Браун, бывший его заказчик, и что, возможно, у него будет к Бишопу задание, если он – тот человек, который ему, Штиглицу, нужен. И после кое-каких рассказов Бишоп предложил ему и его команде огромные деньги за выполнение деликатных поручений на службе его, Штиглица, родной Австро-Венгрии. Причем задаток (поистине царский) плюс деньги на дорогу до Будапешта были выданы на месте, частично ассигнациями (с введения «зелененьких» ничем не уступавшими драгоценным металлам), а частично золотом. Причем деньги («на дорогу по Европе») – были во французской, немецкой и австрийской валюте.

Бишоп еще тогда заметил, что собеседник его коверкает простые английские слова, а вот длинные произносит без единой запинки и с вполне британским выговором, и что, более того, некоторые гласные он произносит так, как свойственно это делать лишь английской аристократии. Ему приходилось пару раз встречаться с представителями последней, да и непосредственный начальник его в Гражданскую был из таковых (по слухам, бежавший в Америку от карточных долгов). Так что сразу было ясно, откуда на самом деле этот «Штиглиц». Ну да ладно; главное, чтоб платил хорошо и вовремя.

И вот они в Вене, в отеле «Европа», где Штиглиц, как и обещал, зарезервировал номер. Ребятки его пропадали в местном публичном доме, а к нему самому пришел некий «херр Шмидт», обладатель примерно такого же акцента.

После сытного обеда, принесенного в номер, «херр Шмидт» перешел к делу. Русскую армию в Болгарии уже не остановить. Его кайзер, которого он здесь представляет, боится, что, разделившись с турками, русские начнут захват земель, по праву принадлежащих австрийской

короне – таких как Хорватия, например, или Галиция. Поэтому русских надо во что бы то ни стало отбросить назад. И сделать это можно лишь одним способом – обезглавить сию азиатскую империю, благо их император не признает мер безопасности. Желательно убить его наследника и других членов семьи. Только тогда Австро-Венгрия будет в безопасности.

Бишоп сначала решительно сказал «нет». Одно дело – индейцы, другое – император самой могущественной на сей момент державы. Но тут Шмидт намекнул ему, что знает его настоящее имя и осведомлен про некую историю в Джорджии, присовокупив, что девочки эти были племянницами человека, который сейчас, после конца Реконструкции, занимает не последнее место в иерархии штата. И присовокупил, что, конечно же, не собирается делиться этой информацией с американскими коллегами, и что за выполнение работы готов предложить поистине астрономическую сумму в фунтах стерлингов – то есть, конечно, в австрийских гульденах. И что четверть этой суммы, равно как и средства на дорогу в Софию, болгарскую столицу, им предоставят немедленно.

А русский император вскоре должен торжественно въехать в эту самую Софию, и именно тогда можно будет совершить этот подвиг во имя свободы народов Австро-Венгрии. Более того, в Бухаресте их встретит Саид Мехмет-оглу, болгарский турок, который поможет им с организацией покушения и с последующим отходом через Сербию в Будапешт, откуда они вернутся обратно в Вену.

И вот они на вокзале, садятся в вагон первого класса. Полученные деньги уже переведены в банк в Нью-Йорке (Бишоп не доверял «Шмидту» и вытребовал половину вместо четверти суммы, и не удивился, когда тот вытащил из портфеля аккредитив на «Винер Кредит» на именно эту сумму). А своя команда ему доверяет – и правильно делает, он их еще ни разу не обманывал. Бишоп не сомневался, что в Австро-Венгрии их потом тихо уберут, поэтому планировал вместо Будапешта ретироваться через Адриатику в Италию и дальше – из Неаполя в Нью-Йорк. Для этого он купил справочник Томаса Кука обо всех железных дорогах и паровых линиях Европы.

Но первый шаг – вот этот поезд в Бухарест.

26 (14) июля 1877 года, Утро, Болгария. Окрестности Софии.

Освобождение Болгарии можно считать свершившимся фактом. Сегодня на рассвете русские войска с трех сторон вступили в Софию. Комендант города бежал, когда как стало понятно, что с востока, севера и юга вверенный его попечению город обошли русские войска. Причем с востока и севера, прорвав турецкие позиции на Арабаконаке, тесня растрепанные таборы Шакира-паши, на Софию движется элитный русский Гвардейский корпус. Можно бросить против них последние свежие остающиеся в Софии двадцать пять таборов и попытаться задержать лавину русских еще на несколько суток в предгорьях. Но зачем?

С юга по открытым дорогам к Софии движутся непобедимые «шайтан-аскеры» в своих железных боевых повозках. А за их спиной пылит по дорогам русская регулярная кавалерия. Они уже полностью уничтожили войско Сулейман-паши. Гарнизон Пловдива бежал, только заведя на горизонте пыль, поднятую боевыми повозками «шайтан-аскеров». Еще день-два, и они полностью отрежут софийскому гарнизону все дороги к отступлению. И вообще, куда отступать бедному турку – русские повсюду... Открыта только дорога на запад, в сторону Албании, и туда толпами бегут проживающие в Софии черкесы и турки. Они справедливо считают, что после прихода русских войск их болгарские соседи посчитаются с ними за все время притеснений и унижений.

Сводный конно-механизированный отряд остановился на ночевку у села Нови Хан. До Софии было уже рукой подать. Рано утром полковник Бережной в бинокль обозрел подступы к городу. Рядом с ним тем же самым занимался генерал-майор Леонов 2-й. Зрелище было страшное. Город горел. Вслед за отступающей турецкой армией в бега бросилась часть мусуль-

манского населения Софии. Уходя из города, они поджигали свои дома. Весь горизонт был затянут дымом.

Было видно, что дорога на Скопье забита беженцами, обозами, остатками беспорядочно отступающих войск. Выделенные в отдельный отряд два эскадрона Астраханских драгун, усиленные тремя БТРами и одной батареей Нонн-С, на параллельной дороге сбили турецкий заслон у Ташкесена (в наше время Саранцы) и практически зашли во фланг и тыл главной турецкой позиции. Гаубицы отряда приступили к бомбардировке турецких редутов у села Потоп. Когда же смолкли гаубицы, к турецким позициям под развернутыми знаменами и с барабанным боем двинулся Преображенский полк. Но турки этого уже не видели, ибо на затылке глаз нет, а они в это время бежали без оглядки. Следом за преображенцами походными колоннами к Софии двинулась вся 1-я гвардейская дивизия: семеновский, измайловский, егерский полки.

Русская армия решительно спускалась с прохлады Балканских гор к Софии, навстречу жаркому мареву и дыму пожарищ. Внизу, в долине, по параллельной дороге пылили БТРы, за которыми на рысях шли драгунские эскадроны. Туркам как бы напоминали, что стоит им чуть-чуть замешкаться, и пенять потом они смогут только на себя.

Хотя они все уже живые мертвецы. Потому что тот, кто бежит с поля боя, умрет рано или поздно. Стоит только русской гвардейской пехоте спуститься в долину, как из-за из спин на оперативный простор вырвется 2-я гвардейская кавалерийская дивизия. Если мысленно поднять над местностью на высоту полета самолета-разведчика, то можно увидеть всю картину разворачивающегося сражения.

Беспорядочные толпы бегущих с поля боя аскеров, ровные колонны русской гвардейской пехоты, поблескивающие штыками вздетых на плечо винтовок... Вслед за ними на рысях пылят ошетилившиеся пиками колонны гвардейской кавалерии. Стоит им выйти на равнину, и они развернутся страшным веером поперек дорог и полей, и не будет тогда спасения бегущим без оглядки массам турецкой пехоты.

Наследник престола, цесаревич Александр Александрович, двигался на Софию в первых рядах вместе с преображенцами. Русская гвардейская пехота осваивала новый прием совершенного ускоренных маршей, который командующий ими Наследник привез из Константинополя. Сто шагов бегом, не ломая строя, сто шагов быстрым шагом, чтобы перевести дух. Физически крепким, хорошо кормленным преображенцам наука сия давалась пусть не легко, пусть через пот и тяжелое дыхание сквозь стиснутые зубы, но давалась. Ротные и батальонные командиры по обычаю того времени двигались в одном строю с солдатами, и только полковники величественно восседали на лошадях.

Были слышны команды: «Братцы, бегом, марш!», и через некоторое время: «Шагом марш! Раз, два!», и иногда: «Пошевеливайся, братцы, а то турка сбежит!»

Сбежать у турок явно не получалась. К тому моменту, как основная часть волны отступающих дойдет до Софии, вдоль их пути успеют развернуться механизированный отряд югороссов и два полка русской регулярной кавалерии. А сзади буквально наступает на пятки Гвардейский корпус в полном составе. Теперь, двигаясь на массивном коне среди упрямо сжавших зубы русских гвардейцев, Александр Александрович поверил в слова полковника Бережного о том, что правильно обученная и натренированная пехота по скорости передвижения на поле боя ничем не уступит кавалерии.

Не добежав до Софии, отступающие турки свернули на дорогу, ведущую в Скопье. Время от времени среди скопления красных фесок вставал разрыв фугасного снаряда, поторапливающего турок продолжать свой марафонский забег до Албании.

Дело в том, что в северные предместья болгарской столицы в это время уже входил осетинский конный дивизион под командованием князя Алексея Церетелева, а в городе жители сбивали замки с брошенных турецких складов и спешно вооружались. В Софии располагались

крупнейшие в Болгарии склады оружия и военного снаряжения. Зато теперь у Великого князя Болгарии Сержа Лейхтенбергского не будет болеть голова о том, чем вооружать новую болгарскую армию.

Из числа удравших с перевалов турецких аскеров спастись не удалось никому. Спасаясь от наступающей русской армии, у южных окраин Софии они сначала попали под перекрестный пушечно-пулеметный огонь подошедшего и развернувшегося в боевой порядок механизированного отряда югороссов – это затормозило их бегство, проредило ряды и отняло последние остатки мужества. Потом в конном строю на неуправляемое человеческое стадо обрушились гвардейские кавалерийские полки (лейб-гвардии Конногренадерский полк, лейб-гвардии Уланский полк, лейб-гвардии Драгунский полк, лейб-гвардии Казачий полк), и вырубали всех турецких аскеров под корень. Руки у людей в красных фесках были в крови не то чтобы по локоть, а и по самое плечо. После освобождения Константинополя, а особенно после форсирования русской армией Дуная, турецкие аскеры как будто сорвались с цепи, вымещая бессильную злобу на беззащитном мирном населении. В первые же дни продвижения по Болгарии, когда стало ясно, что развернут настоящий геноцид, по русской армии была отдана простая, но страшная команда: «Пленных не брать!»

А на северной окраине под барабанный бой в город вступал Преображенский полк при развернутом знамени. Что называется, «по главной улице с оркестром». Тут же, рядом с первыми рядами, на громадном, как танк, вороном коне ехал герой сегодняшнего дня – будущий император Александр III, уже начавший отпускать свою знаменитую бороду. По узким кривым улочкам встречать русскую армию высыпали, казалось, все пятнадцать тысяч населения Софии.

Надо сказать, что еще десять назад население города превышало пятьдесят тысяч, но беспощадный террор турецких властей, а главное, бежавших с Кавказа черкесов, уменьшили население города почти в три раза. Кто бежал – бежал, кто убит – убит. Теперь вчерашние палачи сами уносили ноги от наступающей русской армии и ужасных шайтан-аскеров, встреча с которыми страшнее самой смерти. Собравшиеся горожане метали в густые колонны русской пехоты букет за букетом. И откуда они взялись в таком количестве – достаточном, чтобы устлать мостовую под ногами солдат сплошным ковром?

Кроме ликующих горожан, победителей встречал весь имеющийся в наличии дипломатический корпус. В городе находился ряд консульств. Русские войска встречали: вице-консул Франции Демеркур, Австро-Венгрии – Вальхарт, Италии – Витто Позитано... По лицам господ консулов было видно, как неприятен им этот триумф России. Особенно кислый вид имел господин Вальхарт. Его император еще не оставил надежд наложить лапу на все Балканы. То есть, конечно, Болгарию от турок освободить было необходимо, но лучше бы это сделали просвещенные европейские армии, а не этим русские дикари.

А над зданием конака (турецкой администрации) уже развивались два флага. Черно-желто-белый, с двуглавым орлом Российской империи, и андреевский, пока служащий официальным флагом Югороссии. Тут же стоял БТР, гарцевали горячие осетинские всадники, а князь Церетелев с некоторым удивлением беседовал со старшим лейтенантом Бесоевым. Восставшие жители открыли ворота тюрьмы Чернаджамия, и бывшие узники присоединились к импровизированным торжествам. В центре города у церкви Святого Стефана (перед отступлением разграбленной черкесами), состоялась нечто вроде приветственного митинга. Сначала сказали речи самые почтенные из горожан, потом выступил и сам Александр Александрович, поздравив жителей Софии с обретением долгожданной свободы.

Война за освобождение Болгарии фактически завершилась, русская армия всей своей массой пересекла Балканский хребет на всем его протяжении и приступила к зачистке болгарских земель от рассеянных остатков турецких войск. Освобождение Софии послужило сигналом для Афин, и уже на следующий день, согласно достигнутому с Российской империей и

Югороссией договоренностям, греческие войска двинулись на север, в Македонию и Албанию, последние территории в Европе, пока еще остающиеся под властью турок...

26 (14) июля 1877 года. Константинополь. Дворец Долмабахче. Госпиталь МЧС. Верещагин Василий Васильевич.

Иногда я считаю за удачу то, что был ранен и повстречался с этими удивительными людьми. Я имею в виду югороссов, которые, если говорить честно, спасли мне жизнь. Зато я стал свидетелем таких событий, сделал столько эскизов, что мне теперь будет нужно не менее года работы в студии, чтобы превратить все увиденное мною в полноценные картины.

А какие типажи! Какие лица! Да любой художник, наверное, отдал бы полжизни, чтобы иметь возможность написать их на своих холстах. Одни греки-корсары чего стоят! Живописные одежды, выразительные лица, роскошная южная природа и синее-синее море.

А морские пехотинцы югороссов! Таких людей мне еще не приходилось встречать. Это выходцы из другого мира! В их лиц нет забитости и робости, как в лицах наших солдат. Они готовы в любой момент вступить в бой, невзирая на то, сколько противников им противостоит. И женщины у них тоже необычные. Я сделал несколько портретов Ирины Владимировны, невесты герцога Лейхтенбергского, и, как поговаривают, будущей Великой княгини Болгарии. Как она не похожа на наших девиц, которые упали бы в обморок при виде того, что довелось увидеть ей! И в то же время она удивительно прекрасна и женственна. Словом, идеал, к которому должны стремиться все представительницы прекрасного пола.

И что интересно – общаясь с Ириной, некоторые наши современницы изменились, да так, что их теперь трудно отличить от женщин, выходцев из Югороссии. Пример у меня перед глазами – это внучка нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина, и Мерседес, сеньорита из Константинополя, дочь испанского негодянта, убитого во время резни европейцев. Жаль эту девушку, но она нашла себе друга среди югороссов – морского пехотинца Игоря Кукушкина. Они так любят друг друга... Я несколько раз писал их: какие у них замечательные и ясные лица! Одну картину я хочу им подарить на свадьбу. Не привык я хвалить свои работы, но эта оказалась очень выразительной, и все, кто ее видел, в один голос хвалили ее.

И Ольга Пушкина, совсем еще юная девушка, тоже влюбилась в одного из югороссов. Какая у них чистая и светлая любовь! Мой новый приятель, Александр Васильевич Тамбовцев, дал мне почитать книжку неизвестного мне писателя Александра Грина «Алые паруса». Удивительная книга! И как Ольга похожа на главную героиню этой книги, девушку по имени Ассоль. Под впечатлением этой книги я написал картину: юная воздушная Ольга стоит на берегу моря и вглядывается вдаль, ожидая корабля, на котором к ней приплывет ее возлюбленный. Если у Ольги с Игорем Синициным будет все хорошо, и, когда дело дойдет до свадьбы (а я в этом не сомневаюсь), то эту картину я тоже подарю новобрачным.

Иногда я встречаю в госпитале МЧС знаменитого врача-хирурга Николая Ивановича Пирогова. Он приехал в Константинополь на пару дней, но остался здесь надолго. По секрету он сказал мне, что узнал за считанные дни от медиков из госпиталя столько, сколько он не смог узнать за всю его предшествующую врачебную практику. Он даже помолодел, несмотря на то, что работы в госпитале сейчас непочатый край. Дело в том, что русские войска и сводный механизированный батальон Югороссии под командованием полковника Бережного сейчас добивают турок в европейской части бывшей Османской империи. Я видел, как уходили в бой батальон Бережного. Весьма впечатляющее зрелище. Особенно потрясли меня их бронированные машины на широких стальных гусеницах, или на больших каучуковых колесах. Это настоящие колесницы смерти быстрые, смертельно вооруженные, и неуязвимые. Я понял, что туркам не выдержать удара этой грозной силы, их просто сметут с лица земли.

А Александр Васильевич Тамбовцев шепнул мне, что в арсенале армии Югороссии есть и более страшные «изделия уральских мастеров». Боже мой, что же это такое? У меня даже

не хватает фантазии представить, как они выглядят. Я понял, что югороссы, если бы захотели, могли бы завоевать всю Европу. А может быть, и весь мир...

Но турки сопротивлялись отчаянно; они дрались до последней возможности, зная, что им не будет пощады за то, что они натворили в Болгарии. Зверства были такие, что император, скрепя сердце, отдал по армии страшный негласный приказ: «Пленных не брать!»

Поэтому турки, еще на что-то надеясь, цеплялись за каждую удобную позицию. Они с самого начала готовились воевать именно от обороны, рассчитывая продержаться до тех пор, пока в конфликт не вмешаются страны Европы. Русская армия штурмовала Балканские перевалы, и мы уже знали, что на помощь туркам никто не придет. Слишком велики были их зверства, и слишком страшно было вступать в конфликт с югороссами, которые одним ударом с воздуха способны испепелить целые армии.

Но все равно у нас было много раненых, причем большинство из них нуждалось в срочной медицинской помощи. Медики госпиталя МЧС работали не покладая рук. Я, как их бывший пациент, знал, что большинство раненых, которые в наших госпиталях давно бы умерли от ран или послераневых инфекций, в госпитале югороссов будут спасены. Чтобы поддержать страдалцев, проливших кровь за освобождение Болгарии, я находил время побывать в палатах и утешить наших раненых солдат и офицеров. Я рассказывал им, как сам не так давно, как и они, лежал на кровати с иглой и трубкой, которую мне ввели в вену. По этой трубке из прибора со смешным названием «капельница» в мою кровь поступали лекарства. Они спасли меня, хотя врачи госпиталя в Бухаресте посчитали меня безнадежным.

Раненые, слушая мои рассказы, сразу становились бодрее. И действительно, искусство медиков югороссов и лекарства творили чудеса. Люди быстро шли на поправку, смертных случаев почти не было, и наши раненые были готовы молиться на своих спасителей.

Здесь, в госпитале МЧС, я встретил еще одного интересного человека. Звали его Андрей Желябов. Как мне рассказал по секрету всезнающий Александр Васильевич Тамбовцев, этот молодой человек в России был арестован за участие в тайном обществе, целью которого было свержение самодержавия. Я издали видел, как господин Тамбовцев несколько раз беседовал с Желябовым, что-то ему объясняя. Молодой нигилист иногда соглашался с Александром Васильевичем, но чаще всего начинал с ним спорить. Говорят, что в спорах рождается истина, если, конечно, оппоненты спорят не из чистого упрямства. А спорить с господином Тамбовцевым из упрямства – это все равно что выказать себя круглым дураком. Человек он поживший, много повидавший, так что непримиримо поначалу настроенный Желябов к концу разговора переходил на точку зрения Александра Васильевича.

Сейчас, когда раненых поступало много, и каждый человек был на счету, Андрей Желябов выразил желание поработать санитаром в госпитале. Он взялся за незнакомое для него дело с горячностью и старательностью. Надо сказать, что работы было много, и даже такой богатырь, как он, к концу дня буквально падал с ног от усталости. Но Желябов был упрямым человеком. Немного отдохнув, он снова шел в палаты к раненым, чтобы побеседовать с ними и написать под их диктовку письма на родину. Каждый день из Константинополя в Одессу уходил пароход, увозя выздоравливающих раненых и гражданских пассажиров. Заодно он прихватывал и почту.

Андрей Желябов терпеливо писал послание солдатиков из далекого Константинополя. В них российские воины, помимо обычных поклонов всей родне, рассказывали о далекой стране Болгарии, о ее жителях, которые перенесли ужасные страдания от «безбожных агарян», и о чудесных докторам, которые спасли их от смерти. Часто после того, как послание было написано, начинался разговор о жизни, о нелегком крестьянском труде, о родных селах, куда раненые надеялись вернуться после войны, конец которой уже был виден.

А сегодня я и сам поговорил с Андреем Желябовым. Раненых в этот день было мало, наверное, на фронте вчера наступило затишье. Выкроив часок, я решил посидеть в садике у

госпиталя, делая эскизы выздоравливающих, неловко ковыляющих на костылях по дорожкам бывшего сада турецкого султана. В этот самый момент ко мне и подошел Желябов.

– Все рисуете, Василий Василевич? – спросил он меня.

– Рисую, Андрей Иванович, – ответил я, – каждый делает то, что может принести пользу людям. Вы вот тоже помогаете этим несчастным, и может быть, благодаря вам кое-кто из них остался в живых.

– Я как-то не подумал об этом, – растерянно произнес Желябов, – а ведь мне всегда казалось, что помощь людям, народу, заключается в несколько другом. Боже мой, как я заблуждался всего несколько месяцев назад! Как мало я знал народ, хотя и родился в семье крепостного, но родители мои были дворовыми, а не крестьянами, которые изо дня в день работали в поле. Мы пошли «в народ», но опять-таки так и не поняли ничего. И лишь здесь, в госпитале, повседневно общаясь с мужиками, по приказу царя надевшими солдатские мундиры, я стал их немного понимать. И получается, что все наша работа, все труды, все жертвы, были абсолютно бесполезны. Не хотят мужики бунтовать! Да и сам бунт – бессмыслен! Жаль, что это я понял лишь сейчас...

– Андрей Иванович, – сказал я, – вы правы, несправедливостей в мире много. Но бороться с ними посредством бунта – это как тушить пожар керосином; бунт способен лишь умножить число несправедливостей. Вспомните, что натворили французы со своей Великой Революцией. Свобода, Равенство, Братство. А чем все кончилось? Гильотинами на площадях. Вандеей. Гекатомбами трупов вершителей справедливости и их противников. Революционный задор вылился в желание завоевать мир, и взбесившуюся Марианну пришлось останавливать уже русскому солдату под Смоленском, Бородином и у Малоярославца. Будьте осторожны, Андрей Иванович, ибо благими намерениями устлана дорога в ад. Может быть, вам лучше попытаться разобраться с жизненным укладом югороссов? Ведь это тоже русские люди, но в то же время они совсем другие. Я, может быть, чего-то не понимаю в социальных теориях, но как художник внутренне чувствую, что общество их построено на совершенно иных принципах, чем Российская империя. Андрей Иванович, попытайтесь вникнуть в их мироустройство. Может, это подскажет вам путь построения такого же общества и у нас в России...

– Хорошо, Василий Васильевич, спасибо за совет, пожалуй, я так и поступлю, – ответил Желябов.

В небе опять раздался гул вертолета. Похоже, в госпиталь привезли очередную партию раненых. Последнее время среди раненых стали попадаться болгары, извлеченные русскими солдатами из турецких застенков, а также потерянные, оставшиеся без родителей дети-сироты. Война продолжалась...

Желябов с криком поднялся со скамейки и походкой усталого человека побрел к госпитальным палаткам, над одной из которых развевался флаг Красного креста...

27 (15) июля 1877 года, Утро, Болгария, София.

Полковник ГРУ Вячеслав Бережной.

София медленно приходила в себя после вчерашней эйфории освобождения. Такое же невнятное тяжелое похмелье обычно бывает на следующее утро после праздника, когда выпито все вино, сказаны все тосты, разбита вся посуда и лица. Вчера тоже сначала русские и болгары вместе тушили пожары (причем русских солдат в городе оказалось как бы не больше, чем местных жителей), потом на улицах зазвучала музыка, появились бутылки с ракией и вином, вспыхнули высоченные костры, разожженные из брошенных турками поломанных повозок, и начались стихийные народные гуляния.

Со всей своей балканской бесшабашностью София праздновала день своего освобождения. И вместе с жителями веселилась русская гвардия: семеновцы, преображенцы, павловцы, гренадеры пешие и гренадеры конные, драгуны, уланы, казаки. Лейб-гвардии казачий полк,

после того, как город был освобожден, не удержался от соблазна и в полном соответствии с марксистским лозунгом «грабь награбленное», бросился в погоню за удирающими в Македонию обозами черкесов. Уже в потемках они вернулись, хвастаясь трофеями – узлами разнообразнейшего хабара и молоденькими девицами. В этот наивный век повального натурализма никого не интересовали мальчики или юноши, все интересовались только и исключительно девицами. Но бог с ними, с казаками. Такими они были, такими и останутся. Недаром их пословица гласит: «Что с бою взято, то свято». А на войне, как известно, как на войне, и черкесы совсем не те люди, по которым стоит плакать, особенно когда еще не остыли тела последних замученных ими болгар.

Утро после душной буйной ночи встретило нас прохладой, чириканьем птиц и неистребимым запахом гари и мертвечины. Начинался новый день – первый день новой жизни, когда, оплавав и похоронив погибших, болгары должны приступить к строительству новой жизни. В этой новой жизни не должно быть места Берлинскому конгрессу, прогерманской политической ориентации Болгарии и ее войнам с православными, и тем более славянскими соседями. Иначе все труды Югославии пропадут зря, и все вернется на круги своя.

Об этом (и не только) я, полковник ГРУ Бережной, собираюсь этим утром серьезно поговорить с будущим Государем-Императором Александром III. Прodelав несколько энергичных упражнений, чтобы разогнать кровь, я уселся в позу лотоса и погрузился в размышления. Много хорошего сделал царь-батюшка за двенадцать лет своего правления, но и немало дурного тоже. Одно «подмораживание» России чего стоит. Загнали все проблемы вглубь, и получили в ответ такое, что и на голову не налезло. Четверть века без войн вымыли из состава русской армии и флота офицеров с боевым опытом, заменив их паркетными шаркунами. Прекрасный лейтенант или поручик через тридцать лет может оказаться совершенно негодным адмиралом или генералом. Рождественский и Куропаткин, будучи младшими офицерами, совершенно честно, собственной кровью и отвагой заработали свои боевые ордена. Но это ничуть не прибавило им ни способностей управлять людьми, ни тактических и стратегических талантов. Как говорили свое время про Тухачевского: поручиком был, и, даже став маршалом, все равно остался поручиком.

Но мирная передышка никогда не бывает вечной. И русско-японская война, уничтожив все плоды трудов Царя-Миротворца, положит начало краху Империи. Но еще ничего не предпринято, и всех этих ошибок можно избежать. Благо Цесаревич – человек неглупый, патриотично настроенный, и почти такой же трудоголик, как и еще не родившийся товарищ Сталин. У Александра Александровича есть только одна, почти неразрешимая проблема, и зовут ее Ники. Мальчику всего девять лет, и он еще не сформировался как личность. Надо им плотненько заняться – может быть, что и получится. Иначе в надлежательный срок обязательно появятся и Алиса Гессенская, и русская генетическая рулетка, и «хозяин земли русской» и «не заслоняйте меня»...

По большей части именно этот факт и стал причиной того, что мы дистанцировались от России, начав создавать свое государство. Безусловно, мы патриоты и порвем любого, кто наедет на нашу родину. Но! Мы должны иметь возможность влиять на ситуацию в России извне, не замораживаясь подчинением властям в Петербурге или Москве. Власти-то могут оказаться того... некондиционные.

А вот и сам цесаревич – тоже ранняя пташка. Ходил в сопровождении двух казаков из лейб-конвоя умываться к колодцу. Мои люди тоже рядом, но их так просто не увидишь. Они контролируют все происходящее, как правило, не показываясь на глаза.

– Доброе утро, Ваше Императорское Высочество, – приветствую я Цесаревича.

– И вам доброго утра господин полковник, – отвечает он. – Не помешаю?

Я киваю, и он, кряхтя, усаживается рядом со мной по-татарски. Вздохнув, он вдруг спрашивает:

– Мечтаете?

– Нет, – отвечаю я, – размышляю.

– А в чем разница? – искренне удивляется Цесаревич.

– А вот представьте, – говорю я, – полководец перед сражением – например, Кутузов перед Бородином – сидит всю ночь над картой и размышляет о завтрашнем сражении. Все его мысли воплощаются в конкретный план. И на завтра, согласно этому плану, загрохочут пушки, двинется вперед инфanterия и кавалерия, будет победа или смерть. А вот теперь представьте, что полководец просто мечтает о победе над врагом...

Казак, слушавший наш разговор чуть поодаль, невольно прыснул в кулаки, не удержавшись от усмешки и сам Цесаревич.

– Уели... – сказал он, отсмеявшись, – как есть, уели. Разъяснили досконально. Теперь я буду видеть разницу между мыслителями и никчемными мечтателями.

– Ну, мечтатели бывают и не совсем никчемны, – возразил я. – Вот, к примеру, писатель-мечтатель Жюль Верн. Он сейчас в Константинополе, все бродит, удивляется, наблюдая за нашими чудесами. Ничего он такого не сделал, кроме того, что написал большое количество книг, в которых мечтал о подводных лодках, летательных аппаратах тяжелее воздуха, полетах к другим планетам, и много о чем еще. А что из этого получилось? Будущие мыслители в юном возрасте прочли эти книжки, потом выросли, выучились, и начали искать способ, как бы все это со страниц любимых книг воплотить в жизнь. То же самое можно сказать и о социальных мечтателях. Только вот результаты экспериментов их последователей могут оказаться просто жуткими.

– Вы о социалистах? – совершенно серьезно спросил Цесаревич.

– И о них, и об анархистах, и о прочих «истах», ибо имя им легион, – ответил я. – И в основе любого из этих учений лежит мечта о справедливости.

– А что такое справедливость? – пожал плечами Цесаревич. – Я уже много думал о том моменте, когда приму Россию из рук моего Папы. И мне хотелось бы стать справедливым государем. Но как этого добиться?

– Э нет, Ваше Императорское Высочество! – серьезно ответил я. – В основу государственного управления справедливость ставить нельзя. Тут ее роль вспомогательная. Стержневой идеей государственности является Ее Величество Целесообразность, и только она. Можно долго спорить, справедливо или нет нынешнее нищенское положение российского крестьянства, до нитки обираемого выкупными платежами. Но я точно могу сказать, что это мало того что нецелесообразно, ибо замедляет рост мобилизационного ресурса армии, но еще и прямо опасно, поскольку рано или поздно приведет к одному большому или многим малым крестьянским бунтам. А вольное дворянство, искусственно поддерживаемое за счет мужиков, уже начинает воротить нос от службы в любой ее форме, становясь обычными паразитами. Я знаю, что выкупные платежи в иные годы составляют почти половину государственного бюджета, но ведь эти деньги, оторванные от нищих мужиков, просто тупо проедаются. – Я махнул рукой. – Можно сколько угодно мечтать о том, что Россия станет самой промышленно и научно развитой страной. Но и профессора, и инженера, и техника и рабочего, и даже адвоката, кормит русский мужик. Если Россия не сможет обеспечивать себя продовольствием, то плохо будет всем. Вы уж поверьте, было у нас такое – пшеничку в Канаде и Австралии покупали.

– Я обдумываю ваши слова, – серьезно сказал Цесаревич. – Так вы считаете, что для России главные – это мужики?

– Не главные, а основные, – ответил я, – дворянство для России тоже необходимо, но именно как служилый класс. Однако стараниями вашего батюшки и вращающихся вокруг него либералов дворянство довольно быстро из служилого класса превращается в класс паразитов. Запомните: паразит – это всегда зло. Особенно если это бывшая опора государства.

– Я обдумаю ваши слова, – еще раз сказал Александр Александрович, и после некоторой паузы, когда к нам подвели лошадей, добавил: – А пока давайте пообедем город и посмотрим, какой жребий выпал моему другу, Сергею Лейхтенбергскому.

27 (15) июля 1877 года. Полдень, Константинополь.

Сержант контрактной службы Кукушкин Игорь Андреевич.

Ну вот и все. Кажется, не осталось уже препятствий для того, чтобы мы с моей ненаглядной Мерседес стали мужем и женой. Точнее, уже не Мерседес. Вчера она крестилась по православному обряду в одной из греческих церквей. И теперь она – Надежда, Эсперанса по-испански. Крестным отцом ее стал Николай Иванович Пирогов, а крестной матерью – Ирина Андреева.

Моя любимая активно учит русский язык и старается как можно чаще говорить по-русски со мной, с Ириной и Ольгой Пушкиной. А через неделю у нас венчание. Мы готовимся к свадьбе. Хочется пригласить много гостей, но большинство из них в делах, в боях, в разъездах. Вчера наши освободили от турок Софию, и в городе весь вечер гудел праздник. Гуляли как проживающие тут болгары, так и греки, забывшие о вчерашних недоразумениях с братским православным народом. И лишь одни турки притихли и были незаметны. Впрочем, у них еще есть возможность без проблем выехать в Анатолию.

Подшло время поговорить с Надеждой Николаевной (отчество по обычаю она взяла от своего крестного отца) о самом сокровенном. О том, откуда мы и кто мы. Впрочем, похоже, моя милая уже кое о чем догадывается. Но у Наденьки хватило терпения и ума не доставать меня вопросами, на которые я не мог ей дать ответа. За что я был ей очень благодарен.

Получив несколько дней отпуска на устройство личных дел, я с головой зарылся в подготовку семейного гнездышка. В свою квартиру, где мы с ней познакомились, Надя ехать категорически отказалась. Я понимал ее: трудно чувствовать себя счастливой в том месте, где был убит ее отец и где так внезапно и страшно закончилось ее детство.

Переговорив с комендантом города Дмитрием Ивановичем Никитиным, я получил от него ордер на довольно уютный домик на берегу Золотого Рога. Совсем недавно в нем жил кадий – судья одного из районов Стамбула. После захвата города служащий султанской Фемиды драпанул от подведомственных ему горожан в неизвестном направлении, и домик стоял пустой. Теперь там будут новые хозяин и хозяйка.

Надюше наш новый дом очень понравился. Она по-женски тщательно осмотрела его, заглянула во все закоулки, что-то бормоча себе под нос. Потом повернулась ко мне сияющим лицом, и спросила:

– Игорь, мы здесь будем жить всегда?

– Всегда-всегда, дорогая, – ответил я, – не считая, конечно, того времени, когда я буду вынужден отправиться туда, куда мне прикажут мои командиры. Извини, но ты должна все время помнить, что твой муж – кадровый военный, и не всегда ему приходится делать то, что ему хочется. Привыкай...

После этих слов Надежда немного пригорюнилась, но, видимо, внутренне смирившись с ролью жены служивого, не стала продолжать беседу на эту тему.

Мы вышли в уютный тихий садик на берегу залива. Где-то в кустах жасмина чирикали птицы. Синее море, синее небо... Красота. Мы присели на маленькую скамеечку и немного помолчали. Потом я, вздохнув, начал разговор, которого внутренне побаивался, но без которого нам обойтись было бы невозможно.

– Знаешь, Надя, я давно хотел тебе рассказать о себе, – начал было я.

– Знаю, Игорь, – тихо сказала моя любимая, – я давно уже заметила, что вы, люди с эскадры, так не похожи на других людей. Вы не такие, как все...

– Вот именно, – ответил я, – мы совсем не из этого мира. Мы пришли издалека, из другого времени, из будущего...

Надежда внимательно посмотрела мне в глаза. Она, наверное, посчитала, что я шучу. Видимо, она ожидала, что я расскажу ей о каких-то далеких и загадочных землях, где живут такие же люди, как и я. Но мысль о том, что мы пришли из будущего, не приходила ей в голову.

– Игорь, а ты меня не обманываешь? – осторожно спросила она. – Ты только не обижайся, я знаю, что ты всегда говоришь правду. Но я не могу понять, как можно путешествовать во времени...

– Надя, я не обижаюсь, – ответил я, – мне и самому непонятно, как мы попали в ваше время. Все произошло очень быстро, словно какая-то могучая сила перенесла нас всех сразу в XIX век из века XXI-го.

– Игорь, – серьезно ответила Надежда, – это мог сделать только Господь... – И она перекрестилась, но уже не слева направо по католическому обычаю, а по-православному, справа налево. – Только Всевышний способен совершить подобное. И я знаю, что наша встреча с тобой предначертана свыше...

– Возможно, ты права, – сказал я. – Мне и самому кажется, что без промысла Господня здесь не обошлось. Мне кажется, что мы должны сделать этот мир лучше...

– Скажи, Игорь, а какое оно, будущее? – спросила моя любимая. – Оно лучше нашего времени или хуже?

Я замаялся с ответом. Трудно было ей так сразу сказать. Не все у нас мне нравилось – точнее, многое не нравилось. Дела там явно пошли не так, как хотелось бы, и я понимаю ту силу, которая решила начать новую игру, первым делом уравновесив нами Британскую империю. Впрочем, и тут, в XIX веке, тоже хватало всякого... Так что работы у нас на всю жизнь, и даже больше.

Не рискуя рассказать словами о том, что Надя не смогла бы понять, даже если бы русский язык был ей родным, я пригласил ее в домик, где у меня в вещмешке лежал ноутбук, который я для такого случая одолжил у Иры Андреевой. Положив его на стол, я откинул крышку-монитор, включил загрузку, и постарался доступно рассказать Наде о том, что собой представляет этот девайс. Не знаю, поняла ли она хотя бы четверть того, что я ей рассказал.

Ноутбук загрузился, и я, щелкая мышкой, запустил фильм, который наши ребята из «Звезды» специально смонтировали для хроноаборигенов-неофитов.

Не отрывая глаз от монитора, Надя смотрела на чудесные картинки, которые двигались, жили, говорили внутри небольшого ящичка, лежавшего на столе. Ей было порой трудно понять, о чем говорили герои этого фильма. В этих случаях она нахмуривала свои черные бровки и, страдальчески глядя на меня, бормотала: «Но компрендо...» Тогда я останавливал фильм, и медленно, стараясь подбирать русские слова попроще, объяснял ей, о чем шла речь.

Так мы просидели с Надей над ноутбуком несколько часов, пока на улице не стусилась тьма, а батареи ноутбука почти полностью не разрядились. Потом, при свете свечи, я еще долго рассказывал моей любимой о своей семье, которая осталась в той версии будущего, которую мы уже пустили под откос, о своих родителях, о брате, о знакомых. Она слушала меня внимательно. Ей было интересно все, что касалось меня. И это, как я понял, был не праздный интерес. Она как губка впитывала знания о моем прошлом, чтобы они стали и ее знаниями. Только сейчас я понял, что означает, «моя половина». Действительно, я, находясь рядом с Надеждой, чувствовал, что она часть меня, родная и любимая.

Я понял, что нельзя передать словами то, что я хотел бы ей выразить. Поэтому, взяв гитару, которую я выпросил у той же Иры Андреевой, и, немного попробовав настройку струн, решил спеть Наденьке песню, которую любил петь мой отец.

Мне тебя сравнить бы надо

С песней соловьиною.
С тихим утром, с майским садом,
С гибкою рябиною.

С вишнею, черемухой, даль мою туманную,
Самую далекую, самую желанную.
Как это все случилось, в какие вечера?
Три года ты мне снилась, а встретилась вчера.
Не знаю больше сна я, мечту свою храню.
Тебя, моя родная, ни с кем я не сравню...

Как ни странно, но Надя поняла, о чем эта песня. Она зарумянилась от смущения и нежно прижалась к моему плечу. Когда я дошел до конца, она посмотрела мне в глаза и сказала:

– Игорь, я такая счастливая... Как хорошо, что мы с тобой встретились!

Я тоже был счастлив. Ведь все мои родные остались далеко-далеко от меня, и я знал, что больше их мне никогда не увидеть. До встречи с Мерседес-Надеждой на душе у меня было пусто и тоскливо, и эту пустоту заполняла только война. А теперь у меня есть любовь, есть самая-самая красивая на свете невеста (без пяти минут жена), есть свой дом, есть хорошие друзья, и есть земля, которую я буду защищать от врагов, если кто-то вздумает на нее напасть...

В этот вечер мы с Надей больше не говорили ни о чем. Мы обошлись без слов, все что требовалось, сказали наши руки и губы... Это был самый счастливый вечер в моей жизни... Надеюсь, что не последний...

27 (15) июля 1877 года. Где-то в Атлантическом океане. Борт атомной субмарины «Северодвинск».

Джон Девой, авантюрист, романтик, и борец за свободу Ирландии.

В отведенной мне маленькой каюте напротив меня сидит человек, с которым мне предстоит серьезный разговор, и в котором я вижу своего собрата по духу. Он такой же патриот России, как я – Ирландии. Только моя Ирландия – это маленький зеленый остров, а его Россия раскинулась непобедимым исполином на половине Евразийского континента. В ней есть и ледяная тундра на севере, и знойная пустыня на юге, непроходимая тайга в Сибири, и высокие горы на Кавказе. А самое главное то, что в этой стране есть люди, развеявшие в битве у Нового Саламина британскую морскую мощь, превратив ее в мираж, и теперь они готовы помочь моей любимой Ирландии в борьбе за ее свободу.

За последний месяц мир уже необратимо изменился. Пала под натиском русской армии Турецкая империя. Гордые британцы разгромлены и унижены, в России громят их фактории и изгоняют купцов. На море русские и греческие каперы захватывают британские торговые корабли. Суэцкий канал перешел под контроль России. Так почему бы Ирландии тоже не стать свободной? Мы могли бы предоставить русским в качестве военной морской базы на выбор Дублин или Белфаст. И тогда нам не были бы страшны эти надутые и спесивые британцы.

Говорить с моим новым знакомым мы будем по-английски, ибо русский офицер не знает ирландского, а я русского. Но это ничего, ненависть к нашему общему врагу поможет нам понять друг друга.

– Добрый день, мистер Девой, – вежливо сказал мне русский офицер, – мое командование поручило мне провести с вами беседу о возможности создании в Ирландии сил национального сопротивления. Мое командование готово обучить костяк этих вооруженных формирований, предоставить им вооружение и на протяжении определенного времени снабжать всем необходимым. Условно назовем эти отряды Ирландской Республиканской Армией. Или

вы, мистер Девои, убежденный монархист, и движение сопротивления лучше было бы назвать Ирландской Королевской Гвардией?

Душа моя тут же воспаряет к небесам. Еще вчера ни на что подобное я не мог бы и рассчитывать. С пересохшим от волнения горлом я киваю головой.

– Пусть будет Ирландская Республиканская Армия, формально у нас есть монарх – королева Виктория.

– Очень хорошо, – отвечает русский офицер. – Ирландия будет свободной, если найдутся те, кто не побоится пойти в бой за ее свободу.

– Ирландия будет свободной... – как эхо отвечаю я, – но что мы должны для этого сделать?

– Все очень просто, – говорит мне русский. – Ирландцы должны сражаться. У англичан на вашем острове под ногами должна начать гореть земля. Ирландцы, днем мирные фермеры, лавочники и портовые рабочие, ночью должны становиться беспощадными бойцами и убивать представителей английских властей, судей и полицейских офицеров. Их командиры должны стать для населения настоящим авторитетом и второй властью, чтобы влияние англичан простиралось не далее, чем на сто шагов от полицейского участка. Со своей стороны мы дадим ирландским патриотам оружие и научим, как правильно вести борьбу.

– Если англичане не смогут найти тех, кто их убивает, – тихо ответил я, – тогда они начнут казнить заложников и ссылая в Австралию всех подряд – женщин, детей, стариков, священников... В них совершенно нет страха Божьего. Мне страшно не за себя, а за те невинные души, которые могут пострадать от английской злобы.

Русский офицер кивнул мне.

– Мы об этом знаем, и поэтому готовы предоставить убежище тем, кому будет грозить опасность. Внедряйте в ряды врагов своих осведомителей, старайтесь предугадать ходы противника и спрятать тех, кого он хочет арестовать. Отбивайте своих людей, хоть на эшафоте. А чтобы англичане не могли держать в Ирландии много сил, земля должна гореть под их ногами и в самой Англии. Там террор должен быть направлен против правящей верхушки Британии, военачальников, направляющих войска в Ирландию. Если англичане будут казнить заложников, то вы в ответ будете брать в заложники представителей правящей элиты королевства. Как говорится в Библии: «Око за око, зуб за зуб...» И так – до тех самых пор, пока они не прекратят оккупацию Ирландии. Возможно, что вам вообще не понадобится поднимать открытого восстания. Хотя, пока британцы не будут биты всерьез, они не отдадут Ирландию. Но я хочу добавить, что вы, мистер Девои, в этой борьбе будете не одни.

Я вздрогнул. Передо мной сидел страшный человек, готовый спокойно отправить в ад всю Британию с ее королевой и парламентом. Когда он мне это говорил, на его лице не дрогнул ни один мускул. Но ведь целые столетия ирландцы были жертвами бессердечных англичан. И вот теперь нам предлагают стать мстителями. У меня сжались кулаки – слишком много было сделано зла и пролито крови, чтобы я мог сейчас взять и отказаться. Не мы начали эту войну, но, возможно, именно моему поколению удастся закончить ее и получить долгожданную свободу. Ради этого лично я готов на все; был еще только один, последний, вопрос и я его задал:

– Почему именно я, мистер Федорцов?

– А потому, что именно вы как бы случайно встретились на пути мистера Семмса-младшего, – ответил русский офицер. – Ведь мы не искали контактов с ирландскими эмигрантами, нашей целью в этой операции было лишь организовать возрождение КША. Вы понимаете, о чем я говорю? Ирландией мое командование собиралось заняться на следующем этапе. А тут такая случайная встреча с нужным человеком...

Я снова вздрогнул и прочитал про себя «Pater Noster...». Действительно, я встретился с Оливером Семмсом совершенно случайно. Но ведь на самом деле случайностей не бывает, на все есть промысел Божий. Я так много молился о свободе для своей Родины, что Господь

наконец услышал мои молитвы и дал мне шанс. Да, я не слышал гласа из огненного куста, и ко мне с облаков не обращались ангелы, но вот этот сидящий передо мной крепкий немногословный человек вполне мог быть зримым земным воплощением одного из небесных воинов, Архистратига Михаила.

А русский офицер тем временем продолжал говорить, спокойно и буднично:

– Мы знаем, что вы – один из самых авторитетных представителей ирландского сопротивления, и наше командование будет работать именно с вами. Но, как у нас говорят, один в поле не воин, и поэтому необходимо расширять движение. Для борьбы нужны люди, деньги и оружие. Вы найдете людей, мы дадим вам все остальное. – Он встал. – Через несколько дней вы будете в Константинополе и встретитесь с нашим адмиралом. У вас есть эти несколько дней, чтобы подумать и решить для себя все вопросы. Честь имею, мистер Девой, наш разговор окончен!

Русский ушел, а я остался, мучительно соображая, с кого бы я мог начать, и кто именно из моих товарищей никогда не предаст меня и останется верен общему делу и в беде и в радости. Ведь победить – это будет только меньше половины дела, главное, чтобы потом победа не обернулась поражением из-за склоки вождей. Принцип британцев – разделяй и властвуй. И в этом они большие мастера. Поэтому к подбору соратников надо отнестись особенно тщательно, как и к защите от возможной измены. Пусть не каждого можно купить, но зато любого могут продать его так называемые друзья, как Иуда продал Спасителя за тридцать сребренников.

Действительно, те несколько дней, что остались у меня до прибытия в Константинополь, я должен посвятить тщательному обдумыванию того, что я скажу русскому адмиралу, а что потом скажу своим товарищам по борьбе. Но несомненно одно: мы должны победить, и Ирландия должна быть свободной.

28 (16) июля 1877 года. Атлантический океан, 110 миль западнее Гибралтарского пролива.

Майор армии Конфедерации Оливер Джон Семмс.

Мы провели несколько дней на борту русской субмарины «Северодвинск». Несмотря на спартанскую обстановку, моих спутников поразило гостеприимство русских моряков. Да и кормили нас очень даже сносно. Вскоре после погружения нас пригласил на ужин командир субмарины кэптен Верещагин, который так тепло принимал меня по дороге в Америку. После сытного обеда он охотно ответил почти на все наши вопросы. Кэптен изящно обошел вопрос происхождения субмарины, а также большинство технических вопросов, ссылаясь на военную тайну. Зато он рассказал про скорость субмарины (подумать только – до тридцати пяти узлов в подводном положении!) а на вопрос о мощи сказал только, что весь английский флот они потопить не в силах, но на все их броненосцы боезапаса хватит без проблем, и еще останется на всякий случай.

После этого так получилось, что кэптен Верещагин беседовал в основном с президентом Дэвисом, а Джон Девой проводил немало времени в компании некоего старшего лейтенанта Федорцова, который, как я понял, командовал на этом корабле абордажной партией. Нас же с генералом Форрестом развлекал то один, то другой офицер, но большую часть времени мы были предоставлены самим себе. Как сказал нам кэптен Верещагин, людей, которые хотели бы с нами поговорить, мы увидим в самое ближайшее время.

И, наконец, сегодня нам объявили, что «каре́та подана», и что нам предстоит пересечь на ожидающий нас надводный корабль, носящий название «Североморск». С такими названиями несложно и язык сломать... Я спросил тогда, не означает ли «Северо» что-нибудь типа «Ship», на что ответом были дружные улыбки наших хозяев, после чего мне объяснили, что это всего лишь названия городов, а «Север» – по-русски означает «North».

Вот субмарина, к гостеприимству которой мы привыкли, всплыла (так как в ней нет иллюминаторов, здесь мы поверили нашим хозяевам на слово), открылись люки, и мы поднялись по лесенке к ожидавшей нас шлюпке. А в небольшом отдалении я увидел самый большой корабль, какой мне довелось когда-либо видеть. Длинной не менее пятисот футов, без единого паруса, с железными мачтами, на которых было установлено множество непонятных приборов... Еще меня поразил тот факт, что на бортах корабля не было пушек; как сын морского офицера, я привык к ряду орудий на каждом борту. Да и на «Дайане», которой мне довелось командовать в тех памятных боях, немногочисленные пушки тоже располагались вдоль бортов, а носовую пукалку всерьез можно было не воспринимать.

Шлюпка, в отличие от тех, к которым я уже привык на субмарине, была железной, и домчала нас до «Североморска» за какие-нибудь пару минут. Другие шлюпки в это время подходили к «Северодвинску», и что-то туда, по всей видимости, загружали. Скорее всего это было продовольствие, ведь, как я успел узнать, подводный корабль при всей своей мощи не нуждался в бункеровках углем и пресной водой, и зависел только от наличия свежих продуктов.

На борту «Североморска» нас тоже приветствовали, как самых желанных гостей. Командир корабля кэптэн Перов лично встретил нас у трапа и предложил отвести нас в наши каюты, но мы попросили возможности попрощаться с «Северодвинском». И вот тот начал погружаться в морскую пучину. Мы махали ему вслед, хотя, как с улыбкой пояснил нам мистер Перов, после того как там задраили люки, они нас уже не видят.

Затем мы заселились в каюты – хоть и не роскошные, но намного более уютные, чем на субмарине. Как сказал нам наш любезный хозяин, «Североморск» как раз передавал дежурство в этих водах другому кораблю, носящему имя древнего русского правителя «Ярослав Мудрый», после чего направлялся прямо туда, куда нам и было нужно – в Константинополь. Прошло совсем немного времени, и наша «каре́та» двинулась на восток, в направлении Константинополя.

29 (17) июля 1877 года. Константинополь. Комендатура.

Член-корреспондент Императорской академии наук и профессор общей химии Дмитрий Иванович Менделеев.

Дмитрий Иванович попал в Югосланию, как Чацкий, прямо с корабля на бал. В 1876 году он был направлен Министерством финансов Российской империи и Русским техническим обществом в командировку в САСШ. Дело в том, что наплыв дешевых американских нефтепродуктов на мировой рынок в середине 1870-х годов привел к падению цен на нефть и продукты из нее и к сокращению числа нефтеперегонных заводов в Баку со ста до двадцати, а потом и до четырех. Это нанесло огромный ущерб нефтепромышленникам России. Их беспокойство передалось правительству. Для выяснения причин падения цен на нефть и получения сведений о положении нефтяного дела было решено послать за океан экспертную комиссию. Самым подходящим поводом стала организованная в Филадельфии всемирная выставка, приуроченная к 100-летию независимости США.

Дмитрий Иванович вспомнил, как неприятно поразил его внешний вид и благоустройство городов САСШ. Улицы Нью-Йорка были узкими, вымощены булыжником и убраны чрезвычайно плохо, даже хуже, чем на худших улицах Петербурга или Москвы. Дома кирпичные, некрашенные, неуклюжие и грязные; по самым улицам грязь. Магазины и лавки напоминают не Петербург, а уездные города России.

Словом, первое впечатление при въезде было не в пользу мирового города с миллионным населением. Поначалу он подумал, что это окраины города. Впоследствии, однако, оказалось, что и весь Нью-Йорк, прославившийся своей роскошью, не щеголяет улицами.

Менделеева удивил тот факт, что ему не удалось обнаружить даже интереса к проведению глубоких научных исследований. Он потом с явным недоумением записал в дневник: «Научная

сторона вопроса о нефти, можно сказать, в последние лет десять почти не двинулась. Есть работы, но от них дело не уясняется, да и работ-то мало. Будь в какой другой стране такая оригинальная и богатая промышленность, какова нефтяная, над научной ее стороной работало бы множество людей. В Америке же заботятся добыть нефть по возможности в больших массах, не беспокоясь о прошлом и будущем, о том, как лучше и рациональнее взяться за дело; судят об интересе минуты и на основании первичных выводов из указанного. Такой порядок дела грозит всегда неожиданностями и может много стоить стране».

В нефтяных районах Питтсбурга Менделеев тщательно изучал технические и экономические аспекты постановки нефтяного дела в США, и снова с сожалением отмечал отсутствие научных исследований в этой области. Но любое практическое новшество – будь то оригинальное устройство какого-либо механического агрегата или решение технологического процесса – получало высокую оценку русского ученого, и тут же бралось им на заметку с намерением применить на Бакинских промыслах.

Из США Менделеев вернулся убежденным в том, что Россия вполне может соревноваться в развитии нефтяного дела с американцами, хотя накануне его поездки США добывали нефти в четырнадцать раз больше, чем Россия. Но разочаровала великого химика неистребимая косность российской бюрократии. Когда в высших сферах Петербурга он высказал мнение, что Россия должна обогнать САСШ по нефтедобычи, министр финансов Империи Михаил Христофорович Рейтерн воскликнул: «Да что вы, батенька! Да где же это нам тягаться с американцами-то! Мечтания это все, профессорские мечтания!».

И вот тут он совершенно неожиданно получил довольное странное приглашение съездить по делам в Константинополь. Подписано оно было новым канцлером Империи графом Николаем Павловичем Игнатьевым. В приложенной к приглашению записке некий господин Тамбовцев написал с ужасными орфографическими ошибками пожелание побыстрее встретиться «с гениальным русским химиком» и «первооткрывателем Периодического закона химических элементов». Этот самый господин обещал продемонстрировать Дмитрию Ивановичу НЕЧТО, что очень его заинтересует.

Менделеев решил съездить в Константинополь, несмотря на то, что он едва успел отдохнуть после только что завершившейся заокеанской командировки. Тем более что ему давно хотелось посмотреть на этот древний город и на то, что сейчас происходит на Босфоре. Слухи о таинственной Югоросии и тамошних константинопольских чудесах успели добраться и до Нового света.

Несколько дней путешествия сначала по железной дороге, потом по морю – и вот, с запиской господина Тамбовцева, который оказался кем-то вроде канцлера Югоросии, Дмитрий Иванович оказался в приемной коменданта Константинополя. Здесь чиновники, не в пример российским, дело свое знали хорошо. Едва увидев почерк и подпись автора записки, они немедленно засуетились, быстро выправили Дмитрию Ивановичу все необходимые документы и дали провожатого, который и отвел его в бывший султанский дворец, занимаемый теперь новыми властями.

Господин Тамбовцев оказался мужчиной среднего роста, с небольшой седой бородкой и усталыми глазами. Несмотря на свой возраст (он был как минимум лет на десять старше Дмитрия Ивановича) Тамбовцев первым поднялся из-за большого письменного стола, заваленного бумагами, и с уважением пожал руку Менделееву.

– Дмитрий Иванович, разрешите представиться – Александр Васильевич Тамбовцев, – сказал он своему гостю. – Я очень рад, что вы нашли время и приехали к нам. Думаю, что вы не пожалеете об этом. У нас есть что показать такому талантливому ученому, как вы.

– Вы преувеличиваете мои успехи в химии, – сказал Менделеев, – ну а насчет того, что вы хотели бы мне продемонстрировать, скажу прямо: любое новшество, пусть и не касаемое химии напрямую, всегда для меня любопытно.

– Нас сейчас занимает то, что вы изучали во время вашей командировки в САСШ. А именно – добыча и переработка нефти. Точнее, с добычей мы уже вроде бы решили проблему. Югороссия подписала договор с Великим князем Румынии Каролом о поставках нефти, добываемых на нефтепромыслах Плоешти. Три железнодорожных батальона русской армии, работая ударными темпами, построили ветку Плоешти – Констанца. Мы планируем построить трубопровод, по которому добытая в Плоешти нефть пойдет к нефтеперерабатывающим заводам к Констанце. Дмитрий Иванович, нам нужна нефть и продукты из нее!

– Гм, а зачем вам столько нефти? – поинтересовался Менделеев. – Ведь, если мне помнится, в Плоешти добывают ежегодно около девяти миллионов пудов нефти.

– Это, по-вашему, много?! – воскликнул господин Тамбовцев. – Для нас это капля в море. Помните: нефть и продукты ее переработки – это кровь машинной цивилизации. Я не говорю уже про смазочные масла, без которых невозможна работа никаких машин. Но давайте по порядку. При помощи самой тяжелой фракции нефти, асфальта или битума можно мостить дороги с покрытием более качественным, чем булыжные мостовые. Следующая по весу фракция – мазут, это топливо, на котором работают двигатели наших кораблей. Еще более легкая и летучая фракция – дизельное топливо или соляр – служит горючим для наших наземных машин, которые вы тоже скоро увидите. Без керосина, который для вас не более чем горючая жидкость для новомодных керосиновых ламп, не поднимутся в небо наши летательные аппараты тяжелее воздуха. И, наконец, бензин, который сейчас во всем мире используют как чистящее средство и для медицинских целей, тоже пригоден как топливо для моторов и производства страшного зажигательного оружия – напалма. Все это нужно нам просто в огромных количествах, по сравнению с которыми румынские 9 миллионов пудов – это просто тьфу. А через не такое уж большое время все это понадобится и в самой России, только в объемах, многократно превосходящих наши. Мы сейчас строим нефтеперегонные заводы, на которых добытая в Румынии нефть будет перерабатываться во все эти продукты. Хотите поучаствовать в строительстве этих заводов?

К чести Менделеева, он практически сразу же принял предложение господина Тамбовцева. Он сразу же понял, что здесь сокрыта какая-то великая тайна. А раскрывать тайны – это огромная радость для ученого.

29 (17) июля 1877 года. Бухарест, Румыния.

Бывший полковник армии САСШ Джон Александер Бишоп.

Хуже города Бишоп еще не видел... По расписанию, поезд должен был прибыть в Бухарест в 8:00. Бишоп уже знал о том, что нужно переставлять стрелки, и попытался объясниться с проводником, чтобы узнать, на сколько именно. Но проводник, как назло, совсем не говорил по-английски. К счастью, один из его людей, Джон Шерман, урожденный Иоганнес Швенninger, родился в Германии, и смог-таки объясниться с проводником, хоть и с огромным трудом. Оказалось, что Шерман говорил на швабском диалекте, а проводник на австрийском, которые, хоть и родственны друг другу, на слух очень мало похожи. Часы в конце концов переставили, а проводник обещал сказать, когда они будут в Бухаресте, присовокупив, правда, что это все равно конечная станция.

Но восемь, девять, десять часов – и никакого Бухареста. Наконец почти в одиннадцать поезд пришел на вокзал какого-то большого города. На вывеске значилось что-то вроде «Бьюкурести». Бишоп расслабился, когда вдруг в купе вошел проводник и спросил что-то у Шермана. Тот перевел: «Бухарест. Конечная. Пора сходить». Кто ж мог знать, что румыны даже название своей столицы не могут правильно написать...

На перроне их уже ждал человек, с виду похожий на турка – увидев их, он подошел и спросил на неплохом английском: «Полковник Бишоп? Здравствуйте, меня зовут Саид Мехмет-Оглу. Добро пожаловать в Бухарест. Эй, куда?!».

Бишоп обернулся и увидел, как какие-то смуглые и совсем молодые люди убегают с двумя чемоданами. Он и его люди привычно потянулись к кобурам, но их на боку не оказалось; им было сказано еще при высадке во Франции, что в Европе оружие можно держать только в багаже. Братья Джонсоны побежали за ворами, но куда там... Те даже с чемоданами бежали быстрее американцев; потом они юркнули в какой-то проход, как крысы в нору, и потерялись из виду.

Один из чемоданов, где была запасная одежда, было не так жалко, а вот в другом были винтовки братьев – как раз те самые, с которыми они прошли всю Гражданскую войну. В части, которой командовал полковник Бишоп, эти двое были шарпшутерами – снайперами. И это были те самые винтовки, из которых они потом отстреляли столько индейцев.

Саид отвез их в отель «Атене-Палас» и отъехал, обещав найти замену винтовкам.

Гостиница была действительно неплохой, но вот обед... Какая-то желтая каша, непонятное мясо и никому не нужные овощи. Виски не было, зато вино понравилось всем, кроме Шермана: тому оно показалось очень сладким. После обеда все ретировались в номер Бишоп, который на прощание спросил у метрдотеля, нет ли у него газет на английском. Таковых не было, но вот немецкоязычная «Bucharester Zeitung» нашлась.

В номере Шерман начал ее читать; сначала молча, но потом вдруг посмотрел на Бишоп и сказал:

– Полковник, вот здесь интересная информация. Видите?

– Вижу, и ребята, думаю, видят, – ответил тот. – И что же там написано?

Шерман постучал пальцем по газете.

– Русские взяли Софию, и третьего августа туда торжественно въедет новоиспеченный Великий Принц Болгарский с невестой. А присутствовать будут и русский император, и их кронпринц, и еще куча их самых важных лиц. А еще пишут, что война закончена, а значит, особых строгостей быть не должно.

– Интересно... – задумался полковник. – Ну что ж, значит, нам нужно туда попасть не позже первого. Где же этот проклятый Саид?

Тут послышался стук в дверь, и вошел Саид с каким-то длинным свертком.

– Купил две винтовки Снайдер-Энфилд. Неплохие, как меня уверили. Там же и тридцать патронов к ним. Надеюсь, вам хватит. Больше у человека, у которого я их купил, патронов не было.

Бишоп посмотрел на проводника.

– Саид, нам нужно уже первого числа быть в Софии.

Собираясь с мыслями, Саид поднял глаза к небу и принялся перебирать четки.

– До Бекета можно доехать на поезде за полдня. Вот оттуда будет сложнее, ведь поезда в Болгарию еще не ходят. Надо будет переправиться через реку в Оряхово, там купить коней и поехать через горы, через Врацу и Мездру. Будем там не раньше вечера первого. Ничего, дом для вас уже приготовлен, и из окон видна улица, по которой будут проезжать русские свиньи.

– Похоже, вы их не любите? – хмыкнул Шерман.

Саид по-восточному экспрессивно всплеснул руками.

– А за что мне их любить? Моей семье раньше принадлежали земли – как в Валахии, так и в Болгарии. Из-за русских мы сначала потеряли первые, потом вторые. И если они получают свое, то я плакать не буду. Ладно, не надо об этом. Билеты я сейчас куплю. Завтра в девять утра заеду за вами, первый поезд на Бекет уходит в десять. Если, конечно, уйдет вовремя.

Тут вмешался Алекс Джонсон:

– А далеко от дома до той самой улицы?

– Метров двести. По-вашему, около семисот футов.

– А где можно будет пристрелять винтовки? – не отставал снайпер.

– Лучше всего в Болгарии, там по дороге будут безлюдные места, – ответил Саид.

– А какова скорость перезарядки? – вступил в разговор его брат.

– Десять выстрелов в минуту, значит, около шести секунд на один выстрел, – терпеливо отвечал Саид.

Джонсоны кивнули.

– Потренируемся, хорошо, спасибо, – ответил Алекс. – Патронов должно хватить.

Когда Саид вышел, Бишоп задумчиво сказал:

– Боевой порядок обсудим после рекогносцировки. Одеться нужно будет по-разному, но за местных мы никак не сойдем, поэтому будем изображать из себя путешественников. Шерман, купи себе одежду как у немца – думаю, будет несложно. Братья будут стрелять издалека, оденетесь как обычно. Смит и Браун, будете изображать из себя богатых туристов – таких здесь немало, да и одежда такая имеется. Стейплтон, будешь изображать пьяницу-ирландца, найдешь что-нибудь подходящее в городе. Я же буду контролировать все издалека, думаю, оденусь как болгарин, одежду добуду там. Ужинаем здесь же, в отеле, хоть тут и отвратно кормят. По бабам не шляться, по значным кварталам тоже, задержки и проблемы нам не нужны. Все свободны. До вечера!

30 (18) июля 1877 года. Полночь. Лондон. Букингемский дворец.

Королева Виктория.

Забывшуюся тяжелым алкогольным сном королеву внезапно разбудили шум и суета. На мгновение ей почудилось, что служащие русскому царю морские демоны, больше месяца назад выкравшие ее невестку, снова выползли из моря, и на этот раз пришли уже за самой королевой Великобритании. Правда, не было слышно ни выстрелов, ни звуков борьбы...

Виктория наощупь в темноте быстро накинута на сморщенное жирное тело ночной халат, сунув в его карман вытащенный из под подушки большой револьвер системы Адамса. В последнее время без этого револьвера под подушкой королева не могла уснуть. Ей все чудились крадущиеся по коридорам дворца люди в черных плащах, с большими ножами в руках, жаждущие отрезать ее голову и отвезти русскому царю.

Гвардейские караулы во дворце были удвоены, по соседству было расквартировано несколько полков, в чьей лояльности Виктория не сомневалась. Но все равно кошмары приходили к ней каждую ночь. Иногда убийцы выбирались из-под воды в дворцовом пруду, иногда прилетали на своих плащах, похожих на крылья летучих мышей, а иногда и выбирались из-под земли, как ожившие мертвецы. И вот теперь – эта внезапная побудка...

Чиркнув спичкой и самостоятельно запалив свечу, королева позвонила в колокольчик. Через минуту прибежал слуга, которого Виктория знала с того самого дня, когда юной восемнадцатилетней девушкой взойшла на британский престол. Тот был взволнован. Увидев знакомое лицо, королева немного успокоилась, хотя и не разжала пальцы на рукоятке спрятанного в кармане револьвера.

– Джон, что там за шум, и по какой причине все так бегает и орут? – строго спросила она.

– Ваше Величество, – заикаясь от волнения, сказал слуга, – там... там, на юге, сильное зарево от большого, очень большого пожара... Мы думаем, что это горит Бристоль. Мы не осмелились побеспокоить Ваше Величество.

– Вы уже меня побеспокоили, этой ерундой! – рявкнула королева на втянувшего голову в плечи слугу. – Сейчас я сама пойду и посмотрю на этот ваш пожар. И если окажется, что он не стоит моего беспокойства, то все слуги будут жестоко наказаны.

Галерея, проходящая по южной стороне дворца, имела множество окон. Подходя к ней, уже издали Виктория заметила страшный багровый отсвет, не похожий на обычный лунный свет. Как будто там, прямо за окнами, распахнулись врата в пекло. Вблизи, на багровом фоне, стали видны черные силуэты людей, будто вырезанные из картона. Шум уже стих. Все молча стояли и смотрели на то, что творилось где-то далеко на юге.

Бесцеремонно оттолкнув какую-то женщину, королева подошла к окну и тут же испуганно отпрянула. Зарево пожара, видимое за шестьдесят миль, подсвечивающее снизу багровым светом низко нависающие облака, само по себе было жутким зрелищем. Но, прорезающие время от времени небо бело-голубые вспышки, как молнии озаряющие горизонт, окончательно добились королеву. Она поняла все.

Там, где сейчас бушевал этот огненный ад, должен был находиться флот Канала, ее последние корабли, уцелевшие после гибели Средиземноморской эскадры. Семь лет назад пруссаки разгромили Францию, тем самым устранив угрозу для Британских островов со стороны флота императора Наполеона III. С тех пор флот Канала находился в постоянном небрежении и медленно приходил в упадок. Все новейшие корабли шли на Средиземное море, укрепляя эскадру, которая должна была подпереть слабеющую Турцию в ее неизбежном противостоянии с Россией. Подперли. Сначала турки натворили в Болгарии таких зверств, что даже британская палата общин освистала и закидала тухлыми яйцами премьера Дизраэли, когда тот лишь заикнулся о военной помощи османам. Потом появились эти проклятые югороссы – и легко, играючи, словно ребенок оловянных солдат, смахнули Блистательную Порту с политической карты мира.

Не успокоившись на этом, новоявленные конкистадоры в битве при Саламине одним кораблем уничтожили британскую эскадру, состоящую из лучших кораблей с лучшими командами. После этого печального события, вспомнив наконец про флот Канала, королева Виктория приказала срочно привести ее в порядок и подготовить к походу. Первоначально планировалось управиться за месяц. Но в ходе работ всплыли новые проблемы, и выход флота в море отложили сначала на неделю, потом еще на одну, а потом еще и еще.

Очередной срок готовности должен был наступить послезавтра – 1 августа. Во всяком случае, это клятвенно обещали лорды Адмиралтейства. Королева решила двинуть свои корабли в Балтику и на руинах Петербурга принять капитуляцию Российской империи. Ее мозг, воспаленный коньячными парами и жадой мести, абсолютно не понимал того факта, что с моря российская столица надежно прикрыта мощными фортами Кронштадта, Ораниенбаума, Красной Горки. А Балтийский флот хоть и слабее британского, но все же находится в гораздо лучшем состоянии, чем четырнадцать лет назад. Один броненосец «Петр Великий», поддерживаемый береговой артиллерией, в бою стоит едва ли не половину всей британской эскадры. А ведь по дороге на Балтику англичанам придется прорываться через Датские проливы, чего тамошний король пообещал не допустить. Ладно бы, если он только подписал эту бумажку, в которой говорилось о запрете прохода в Балтику боевых кораблей небалтийских государств. В конце концов, британский флот всегда делал то, что ему выгодно, не обращая внимания на разную дипломатическую возню.

Этот датский безумец стал лихорадочно строить на побережье проливов береговые укрепления, а русским как-то удалось уговорить немцев поставить туда новейшие одиннадцатидюймовые орудия Круппа, только-только принятые на вооружение германской армии. Теперь, прорываясь в Балтику, британскому флоту придется понести немалые потери, за что придется в воспитательных целях еще раз сжечь Копенгаген.

Теперь же, глядя на зарево, королева Виктория поняла, что у нее больше нет флота. Там, на горизонте, подожженные каким-то адским оружием, пылают портовый город Бристоль, его доки, верфи, угольные склады и арсеналы. Это адское багровое зарево висит над горизонтом оттого, что сейчас в пожаре бессмысленно сгорают миллионы стоунов угля, приготовленные для снабжения флота. Яркие вспышки – это взрывы пороховых картузов в арсеналах и артиллерийских погребах погибающих кораблей. Зрелище означает конец всем мечтам о реванше. Конец флоту, конец Британии, которая со времен Френсиса Дрейка и королевы Елизаветы неколебимо опиралась на мощь своих эскадр и мужество моряков. Все началось при одной

королеве, и все закончилось при другой... После особо сильной вспышки Виктории стало нехорошо, и, придушенно захрипев, она тяжело сползла на пол.

Тогда же. Бристольский залив, 70 миль западнее Бристоля, АПЛ «Северодвинск».

Та же картина с заревом пожара и отсветами взрывов наблюдалась и с мостика атомной подводной лодки «Северодвинск», четверть часа назад отстрелявшей по британским кораблям и береговым сооружениям крылатыми ракетами «Калибр». Только тут главной эмоцией были не страх и растерянность, а удовлетворение тем, что сорваны очередные планы «англичанки» нагадить России. Собственно, эта самая картина на горизонте и говорила о том, что операция прошла успешно, и флот Британии придется строить заново.

Теперь, когда русские захватили Суэцкий канал, а к антибританскому союзу присоединились Испания и Португалия, Британские острова могут оказаться начисто отрезанными от своих традиционных морских маршрутов. Мадрид и Лиссабон предоставили русским рейдерам возможность заходить в свои порты и пополнять запасы угля, воды и продовольствия в расчете на то, что в дальнейшем удастся присоединить к себе кое-что из британских колониальных владений. С другой стороны, на севере, в «благодарность» за бывшее «копенгагирование», такое же решение приняла Дания, и теперь русским клиперам и броненосным фрегатам не нужно для пополнения запаса возвращаться в Ревель и Кронштадт. После гибели остатков британского флота рейдерские действия русских крейсеров обороны грозят превратиться в удавку на шее Британии. А на западе, пока еще медленно-медленно, закипал «ирландский котел».

Люди, стоящие на мостике «Северодвинска», все это прекрасно знали. Им было известно и то, что теперь ситуация в Британии изменится необратимо. Власть королевы Виктории рухнет, и, как водится, ей на смену придет хаос. Но, как говорится, проблемы бриттов русских не беспокоят.

Убедившись, что операция прошла успешно, старшие офицеры подводной лодки покинули мостик. Лязгнули задраенные люки, и «Северодвинск» скрылся под водой, словно его здесь никогда и не было.

30 (17) июля 1877 года. Константинополь. Полдень. Дворец Долмабахче. Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Вчера мне довелось лично поручаться с живой легендой – самим Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Он совсем недавно был в САСШ, где изучал постановку там дела в области нефтедобычи и нефтепереработки. Умнейший дядька, все схватывает на лету. Мы через «полковника Александрова» вызвали его из Петербурга; он прибыл, и сразу же загорелся нашей идеей строительства в Югории современных нефтеперегонных заводов для массового производства бензина, керосина и дизельного топлива.

Похоже, Менделеев с самого начала начал догадываться о нашем происхождении. Как я уже говорил, он был умным человеком, и, естественно, не мог не сделать определенных выводов, увидев все наши югоросские «технические чудеса». Я, как умел, отвечал на его бесконечные вопросы, пока он, видимо, «созрев», не задал мне прямо в лоб свой самый главный вопрос: «Александр Васильевич, пожалуйста, скажите честно – кто вы и откуда?»

Я тяжело вздохнул. Опять придется рассказывать человеку историю с нашим переносом в прошлое из XXI века, выслушивать кучу ахов и охов, а потом успокаивать нервы ошеломленного хроноабorigена валерьянкой или чем покрепче.

Но, к счастью, с Дмитрием Ивановичем было совсем не так. Узнав о нашем иновременном происхождении, он сразу взял быка за рога и стал выпрашивать меня о наших успехах в области химии. А я, как человек, разбирающийся в этой науке в объеме знаний, полученных в средней школе, как мог отвечал на вопросы великого ученого. В конце концов мне надо-

ело выглядеть школьником-двоечником, отвечающим урок преподавателю, и я свернул нашу научную беседу, обещав Менделееву дать почитать на сон грядущий учебник химии, который вроде бы хранился в нашей библиотеке.

Устроив его в нашей гостинице, сооруженной в помещении бывшего султанского гарема (прежние обитатели его давно уже разбрелись по белу свету), я зашел к адмиралу Ларионову и доложил ему о прибытии Менделеева и о состоявшейся беседе. Виктор Сергеевич, твердо решивший учредить в Константинополе свой Университет, и сейчас подыскивающий подходящую кандидатуру руководителя для этого учебного заведения, оживился и спросил у меня:

– Александр Васильевич, а как вы смотрите на то, чтобы предложить Менделееву возглавить наш Константинопольский университет? Фигура-то мирового масштаба. Да и прикрытие из него хорошее: если он будет ректором, то никто не удивится, когда отсюда одно за другим пойдут открытия да изобретения...

Я почесал затылок.

– Видите ли, Виктор Сергеевич, – сказал я, – как ученый, Дмитрий Иванович, безусловно, фигура первой величины. И дел для него у нас бы нашлось сколько угодно. Переработка нефти, производство столь необходимых нам машинных масел, создание бездымного пороха, наконец. Но ведь в свое время он принимал деятельное участие в разработке проекта создания в азиатской части России университета в Томске. Его даже предполагалось назначить ректором этого университета, но по каким-то личным обстоятельствам Менделеев в Томск не поехал.

– Ничего, – кратко, по-военному ответил мне Ларионов, – разберемся! Так что, Александр Васильевич, я полагаю, что Менделеев – это именно тот человек, который нам нужен, и попрошу вас пригласить его завтра ко мне... Ну, скажем, к полудню.

Попрощавшись с адмиралом, я отправился в библиотеку, нашел там в разделе технической литературы «Основы общей химии» – трехтомник, учебник для ВУЗов, – и отнес его Менделееву. Тот вцепился в эти тома словно ястреб в добычу, и чуть ли не вытолкнул меня из своей комнаты, спеша ознакомиться с попавшим к нему в руки сокровищем.

А сегодня я зашел к нему в начале двенадцатого. В комнате было накурено так, что можно было вешать топор, а Дмитрий Иванович, похоже, так и не спавший не минуты, с воспаленными до красноты глазами листал учебник, делая пометки карандашом в своей рабочей тетради. Мне стало его жалко.

– Дмитрий Иванович, – сказал я, – отдохните хоть немного. Посмотрите, на кого вы сейчас похожи. Поверите мне, вам будет предоставлено достаточно времени для того, чтобы освоить все наши знания. Если, конечно, вы согласитесь остаться в Константинополе и поработать в нашем университете.

– А разве в Константинополе есть университет? – удивленно спросил Менделеев. – Я ничего о нем раньше не слышал.

Я немного замялся.

– Видите ли, Дмитрий Иванович, своего университета у нас действительно пока еще нет. Но наш командующий уже твердо решил, что он нам необходим – а значит, он обязательно будет. Как вы понимаете, тому, что будут преподавать в Константинопольском университете, не научат больше нигде. В остальных подобных учебных заведениях мира эти знания пока еще неизвестны. А знания – это, как говорится, сила, особенно сейчас – на заре машинной цивилизации, в век железа и пара. В связи со всем этим мы хотим предложить вам возглавить Константинопольский университет, став его ректором. Впрочем, более подробно на эту тему с вами и хочет лично побеседовать адмирал Ларионов.

В течение четверти часа я проветривал комнату Менделеева от ядреного табачного дыма, а великий химик приводил себя в порядок, готовясь к встрече с главой Югороссии. Потом, еще немного передохнув, ровно к полудню мы отправились на randevu с адмиралом.

Виктор Сергеевич сердечно поприветствовал Менделеева и радушно пригласил его за стол. Адмирал с любопытством смотрел на живую знаменитость. Дмитрий Иванович был не похож на свои портреты, к которым мы все привыкли. На них он обычно изображался пожилым и седым человеком; перед ним же сидел крепкий еще и моложавый сорокадвухлетний мужчина с едва заметными залысинами и острым взором.

– Дмитрий Иванович, – начал Ларионов после немного затянувшейся паузы, – как я понял, Александр Васильевич уже рассказал вам, кто мы и откуда?

Менделеев кивнул и, в свою очередь, спросил:

– Господин адмирал, как рассказал мне Александр Васильевич, вы хотите предложить мне место ректора Константинопольского университета. Не так ли?

Адмирал Ларионов бросил на Менделеева внимательный взгляд.

– Да, Дмитрий Иванович, вы все правильно поняли. Мы считаем, что вы – как раз тот человек, который сможет сделать наш университет лучшим в мире. Вы понимаете, насколько это дорогое удовольствие с финансовой точки зрения – содержать подобное учебное заведение? Но это необходимо, в том числе и с точки зрения политики. Пусть это будет и не очень скоро, но чем больше студентов из других стран мы обучим, тем больше у нас там будет искренних друзей, смотрящих на мир так же, как и мы. Кроме того, мы сможем отбирать для работы на наших заводах самых лучших выпускников вашего университета. Соединив имеющиеся у нас знания, ваши талант и авторитет, мы сможем сделать так, чтобы Константинопольский университет стал действительно лучшим из лучших.

Дмитрий Иванович кивнул.

– Господин адмирал, я тщательно все взвесил, и хочу сказать вам, что принимаю ваше предложение. Не скрою, для меня это большая честь. Теперь хочу спросить – каким вы видите этот университет, какие в нем будут факультеты и на каких условиях будет проходить обучение?

Адмирал Ларионов пожал Менделееву руку.

– Я очень рад, что вы, Дмитрий Иванович, согласились с моим предложением возглавить наш университет. Поверьте, что и для нас ваше согласие – большая честь. О том, какие здания будут вам предоставлены, вы поговорите с нашим комендантом Константинополя, вашим двойным тезкой, Дмитрием Ивановичем Никитиным. Он подберет вам что-нибудь из брошенных хозяевами дворцов. Но это все временно. На постоянной основе мы будем строить отдельный университетский городок где-нибудь в пригороде. Для начала мы хотели бы, чтобы в нашем университете были следующие факультеты: естественный, медицинский, инженерный, военный, юридический, философский и богословский. Этот список пока не окончательный, в дальнейшем он может быть и расширен. Кстати, в качестве руководителя медицинского факультета я бы предложил вам кандидатуру вашего старого знакомого, Николая Ивановича Пирогова. Он сейчас здесь, и практикует в госпитале МЧС вместе с нашими хирургами. Учиться в Константинопольском университете, перво-наперво, будут граждане Югороссии и подданные Российской империи. Для способных, но малоимущих студентов будут учреждены стипендии. Мы хотим, чтобы наши студенты были самыми знающими и самыми талантливыми в мире. Также, скорее всего, в вашем, Дмитрий Иванович, университете будут учиться и иностранные студенты из дружественных нам стран. Но этот вопрос мы еще будем решать отдельно... Кроме того, Константинопольский Университет не должен быть сугубо академическим учебным заведением, занимающимся только чистой наукой. В его лабораториях студенты должны иметь возможность на практике применять свои знания. Также в ходе обучения на старших курсах должна иметь место производственная практика... У медиков своя, у инженеров своя... После окончания университета ваши выпускники будут уже вполне способны стать ведущими инженерами на заводах и фабриках России и Югороссии, конструкторами, врачами – одним словом, ценными специалистами. А вам, Дмитрий Иванович, надо помнить

и о том, что наши знания – это не только огромная ценность, но и обоюдоострое оружие. Мы не хотели бы, чтобы люди, получившие эти знания, изменили своему Отечеству и, перебежав к нашим противникам, помогли им ковать оружие против нас... Поэтому не обижайтесь, но в структуре будущего университета должна быть служба, аналогичная жандармской, которая, во-первых, не допускала бы к секретным знаниям лиц, не внушающих доверия, а, во-вторых, предотвращать утечку на сторону совершенно секретной информации. Поверьте – стоит вам начать работу, и тут же, как мухи на мед, налетит много непраздно любопытных субъектов. А ценой утечки всего лишь одного секрета могут оказаться тысячи русских жизней. Мы знаем, о чем говорим.

После этих слов адмирала Менделеев поморщился, но тем не менее вынужден был признать его правоту. На этом официальная часть была закончена, но мы, попросив принести чаю, еще больше часа беседовали просто так, за жизнь...

31 (19) июля 1877 года. Утро. Пролив Босфор. Константинополь.

Старший лейтенант Синицин Игорь Николаевич.

Наш «Североморск» идет домой. Теперь этот старинный город, лежащий меж двух частей света, стал нашим новым домом. Именно здесь остались те, кто верят в нас и ждут. Пусть немногие пока обзавелись на берегу дамами сердца, но за время стоянки их количество должно вырасти. Все – от командира до молодого матроса-срочника – уверены, что ХХI век остался в прошлом. Пора перестать тосковать о нем и начинать вращаться в здешнюю жизнь. А это значит – жениться, обзавестись домом, женой, детьми. Но при этом не забывать про службу, чтоб никто и никогда больше не мог диктовать миру свою волю, исходя из своих сугубо меркантильных «интересов».

Еще ночью, ориентируясь по огням маяков и данным корабельной ГАС, мы прошли Дарданеллы и Мраморное море. И теперь в первых лучах восходящего солнца перед нами появился Константинополь. Восточные города просыпаются рано, и на набережных уже полно празднично одетого народа. Напротив Долмабахче, где сейчас размещился штаб адмирала Ларионова и резиденция руководства Югороссии, стоит на якоре винтовой корвет Русского императорского флота «Аскольд», зашедший в Константинополь для устранения повреждений, полученных в морском бою с британской эскадрой у Пирея. С его борта, салютуя нашему андреевскому флагу, палит пушка. В ответ Алексей Викторович приказывает выстрелить из нашей салютной 45-миллиметровки. Берег приветствует нас холостым выстрелом из трофейной турецкой пушки, мы опять отвечаем. И вот уже можно вставать на якоря. «Североморск» на месте.

По-настоящему мы не были на берегу с того самого момента, как покинули свою базу в городе, одноименном с названием нашего корабля, в таком далеком теперь ХХI веке. Не считать же те два дня, что мы простояли в Золотом Роге, между разгромом турецкого флота в Черном море и выходом в Атлантику для каперских операций. Ну и еще один день в Одессе.

Также нельзя считать за полноценный отдых короткие увольнительные в Картахене, Кадисе, Виге, Лиссабоне, куда наша эскадра заходила с призами и для пополнения продовольствия. После уничтожения британского Средиземноморского флота в Саламинском проливе и захвата нами Суэцкого канала пиренейские государства быстренько вспомнили все обиды, нанесенные им англичанами со времен Дрейка, Великой Армады и Моргана, и от осторожного подбострастия быстро перешли к откровенной враждебности. Короче, британский гарнизон в Гибралтаре еще сидит, но ни одного корабля в базе нет. С суши гарнизон блокирован испанцами, а с моря – нашей эскадрой. Сидеть им там осталось ровно до тех пор, пока последний солдат не сгрызет последний сухарь, а за ним – свой кожаный ремень и башмаки. Все попытки снабдить «Скалу» подкреплением, продовольствием и снаряжением закончились потоплением судов-блокадопрорывателей.

На Мальте картина была аналогичная. Блокада с моря, с которой легко справляются несколько наших «пароходов активной обороны» – и никакой надежды у англичан. Гарнизон, насчитывающий всего шесть тысяч солдат-сипаев, ненадежен. Как сообщили нам перебежчики-мальтийцы, бежавшие под покровом ночи с острова, растет напряжение между нижними чинами – индийцами, и офицерами – сагибами. Еще чуть-чуть, и солдаты взбунтуются и выкинут белый флаг.

Британские корабли из Средиземноморья выметены начисто. Франция же предупреждена, что одно их враждебное нам движение – и немцам будут развязаны руки. Кто за них сейчас заступится? Канцлера Горчакова, носившегося, как дурак с писаной торбой, с идеей «европейского концерта», уже нет. Чуть что, и прусские гренадеры браво промаршируют по уже знакомому пути к Парижу. И Бисмарк теперь не ограничится Эльзасом и Лотарингией. Наш командир сказал, что нынешний французский президент Мак-Магон (между прочим, «герой осады Севастополя») обливается холодным потом, наблюдая, как «Железный канцлер» шушукается с нашими и российскими дипломатами в Константинополе. О дальних рейдах наших бомбовозов все уже достаточно хорошо наслышаны. Мак-Магон, наверное, боится, что однажды мы навестим его резиденцию в Елисейском дворце. Знает кошка, чье мясо съела – вот и нервничает. Не полезли бы тогда французы под Севастополь (типа мстить за Бородино) – может быть, и спали бы сейчас спокойно.

Но мне сейчас надо думать не о высокой политике. На берегу меня наверняка ждет Оленька, а в моей каюте ждут ее разложенные в аккуратные коробочки – приготовленные ей в подарок безделушки. Кое-что – это результат наших лихих каперских набегов на британские коммуникации. Рэкетеры из Туманного Альбиона, даже несмотря на опасность напороться на наши крейсера, продолжали грабить несметные богатства Индии.

Все, наверное, помнят про золотые и серебряные галеоны, отправлявшиеся из Нового света в Испанию. Но грабеж британцами своих колоний, если и не сопровождался такой резней и беспределом, как походы конкистадоров, по количеству трофеев мало чем от них отличался. Просто джентльмены не любили афишировать свои преступления. Откуда-то в британской казне появлялись новые драгоценные камни, а в Британском музее – новые произведения искусства, законные владельцы которых и до наших дней не могут ни в одном международном суде доказать свои права на свое имущество.

Вот и нам удалось перехватить один быстроходный клипер, перевозивший награбленное в Индии по трансафриканскому маршруту. Пароходам из эскадры Макарова нечего было и тягаться с ним в скорости. Но вот от вертолета с вооруженными до зубов морскими пехотинцами на его борту даже быстроходный клипер не смог уйти. После сброшенной прямо перед его форштевнем глубинной бомбы и пары предупредительных очередей из пулемета клипер спустил паруса и лег в дрейф. Потом подоспели катера, а за ними «Североморск», и в самом конце – Макаров со своими архаровцами. Добыча была сказочной. Слитки золота, серебра, шкатулки с жемчугом, драгоценными камнями и готовыми ювелирными изделиями. Три четверти всей добычи было перегружено на «Североморск», а остальное распределено между кораблями макаровской эскадры. Таковы были условия договора, заключенного правительством Югороссии и каперами.

Ну и поскольку нам уже было пора возвращаться домой, командование решило премировать нас ценными подарками. Две с лишним сотни драгоценных безделушек, примерно одинаковой стоимости, получили условные номера лотов. Все – от командира до простого матроса и морпеха – тянули, как на экзамене, билет, а затем получали из рук корабельного финансиста пару серег, кольцо с камнем или жемчужное кольцо – кому как повезет.

Хотя, если честно, в нашем прошлом такие вот безделушки с брюликами могли позволить себе не иначе как дочери олигархов или содержанки миллионеров – безголосые поп-звезды. Мне для подарка Оленьке достались парочка миленьких золотых сережек с голубыми камуш-

ками и нитка жемчуга. Два предмета потому, что непосредственные участники захвата, прыгавшие в подвесных системах на палубу клипера, получили право вытянуть по два билета. Так что мне есть чем порадовать моего чертенка.

В первую очередь к борту «Североморска» подошли два больших катера, на которых прибыла специальная команда по осмотру и учету нашего драгоценного груза. Обратным рейсом на берег отправились первые отпускники, в том числе и ваш покорный слуга. Весь наш взвод был отпущен на берег, а в противодиверсионный наряд заступили бойцы из состава гарнизона базы.

Все ближе и ближе набережная. Я уже вижу свою Ольгу, приплясывающую от нетерпения у самого парাপета. Рядом с ней – журналистка Ирина и еще какой-то высокий статный военный, похоже, из местных. Так, вспоминаю сплетни – это же Серж Лейхтенбергский, сердце которого наша телезвезда разбила вдребезги с первого взгляда. Красавец, храбрец, рубака, в нашем времени павший от пули в голову на поле боя. Одним словом, наш человек, хоть и внук императора Николая I. Чего у местных не отнять – это что дети элиты тянут лямку как все, и, не дрогнув, идут под пули. Пока еще идут.

Когда до набережной остались считанные метры, в нашу честь духовой оркестр грянул гимн Югороссии – еще одна переделка с гимна СССР «Союз нерушимый народов свободных сплотила навеки Великая Русь...» Правда, на этот раз обошлось без Михалкова-старшего...

Женщины притихли, а мужчины сняли головные уборы. Вот так, под наш «старый-новый» гимн, мы и ступили на берег. Ольга, никого не стесняясь, с детской непосредственностью сразу подбежала ко мне и схватила за руку. Крепко-крепко, как будто я куда-то собирался от нее убежать. Серж и Ирина смотрели на нас со снисходительными улыбками, как умудренные жизнью взрослые родители на проказы детей. Всем своим видом моя ненаглядная показывала, что теперь она меня никуда не отпустит.

Когда отзвучал гимн, и все немного расслабились, я аккуратно высвободил руку, и в первую очередь надел на тонкую шею Оленьки сложенную втрое нить индийского розового жемчуга, а потом вручил ей коробочку с сережками.

– Это тебе, Оля, – сказал я, – в знак любви, и за то, что ты меня ждала и верила.

Она сначала порозовела, почти в тон этим самым индийским жемчужинам, потом, прижав на цыпочки, тихонько чмокнула меня в щеку. Очевидно, более бурные выражения эмоций отложены на потом, когда вокруг не будет таклюдно, и рядом останутся только свои. Закончив с поцелуйным ритуалом, она спрятала коробочку с серьгами в карман платья, и снова клещом вцепилась в мою руку.

Как я понимаю, официальная часть на этом еще не закончилась, и мне предстояло первое в моей жизни знакомство с августейшей особой. Ну-с, посмотрим, каков он, императорский внук...

– Здравствуйте, Игорь, – как-то немного робко и неловко обратился он ко мне. – Ольга мне о вас все уши прожужжала.

– Здравствуйте, Сергей, – в тон ему ответил я. – О вас и вашей невесте нам все уши прожужжал солдатский телеграф. Берегите Ирину. Она делала то, на что способен не каждый мужчина: безоружная, только с одной камерой, шла вместе с такими, как мы, прямо в огонь.

– Я знаю это, и восхищаюсь ее храбростью, – ответил Серж. – Но сейчас есть еще одно дело. Поскольку я нахожусь здесь, ее отец, полковник Пушкин, просил меня проследить, чтобы с его дочерью ничего не случилось. К себе в полк он ее забрать не может, а отправлять ее в имение тетки – это напрасный труд, ибо она сбежит или прямо с дороги, или на второй-третий день по прибытии на место. Тем более что такая страсть... Если Ольга вобьет себе что-нибудь в голову, ее совершенно невозможно переубедить. Вот Александр Александрович и просил меня глянуть на новоявленного жениха. Теперь я спокойно могу отписать ему, что партия Ольги

выше всяких похвал. Жених храбр, умен, красив. Совсем молод, а уже поручик гвардии, и замечен начальством. С дамами обходителен и галантен...

С каждым словом Сергея Лейхтенбергского обращенные на меня глаза Ольги раскрывались все шире и шире, а ее рука сжимала мою все сильнее. Наконец она раскрыла рот и произнесла:

– Серж, скажите Папá, что Игорь мой, и только мой, и я его никому ни отдам. Он самый лучший, самый красивый, самый умный и самый, самый... Я буду ждать, когда мне исполнится шестнадцать, и когда мне можно будет выйти за него замуж. А пока я буду учиться, чтобы у моего любимого была умная жена. Вот!

Сказав это, она потащила меня с набережной в парк. А Серж и Ирина, посмеиваясь, пошли за нами следом.

На этой оптимистической ноте и завершилась наша первая с Ольгой встреча после моего возвращения из похода. Я шел рядом с ней, и мне было хорошо только от ее присутствия рядом. В этот момент я ощутил, что я тоже ее люблю – люблю спокойной нежной любовью к юному невинному существу. Если надо ждать – подождем. За эти два года чудесный бутон превратится в прекрасный цветок...

31 (19) июля 1877 года. Полдень. Пролив Босфор. Константинополь.

Джефферсон Финис Дэвис, первый и пока единственный президент Конфедеративных Штатов Америки.

Еще недавно я думал, что мне так и не удастся когда-нибудь оказаться за пределами американского континента. За всю свою долгую жизнь мне довелось побывать лишь в САСШ, Техасе, который вскоре стал одним из американских штатов, в Мексике и в нашей горячо любимой и, казалось, навсегда ушедшей в небытие Конфедерации.

Мы стремительно пересекли Атлантику на русской субмарине. Но, увы, из субмарины не было ничего видно; мне иногда казалось, что мы просто находимся в каком-то помещении без окон и дверей. Когда мы переходили на «Североморск», меня поразила, и даже немного испугала бескрайняя морская стихия вокруг. Нигде поблизости не было даже намека на землю. Когда я рассказал об этом майору Семмсу, тот улыбнулся и сказал, что страшно, когда пересекаешь эту бездну на утлом парусном суденышке, а не на русском плавучем стальном Левиафане.

Гибралтарский пролив мы тихо и незаметно прошли ночью. Так что узнали мы об этом лишь из рассказа кэптана Перова. Англичане в крепости еще сидят, но русские корабли блокировали ее с моря, а испанская армия с суши. Потом на горизонте, на пределе видимости, то и дело появлялись смутные очертания каких-то островов.

Наконец, миновав Сардинию и Сицилию, мы прошли проливом между Критом и Пелопоннесом и повернули на север. То и дело то слева, то справа возникали гористые коричневые острова, так непохожие на те, что я видел у нас. К склонам лепились ослепительно белые домики и церкви, а дальше, на север – и мечети, которые можно было отличить по стреловидным минаретам.

Один раз мы обогнали маленький пароходик под бело-синим греческим флагом, битком набитый греками, гречанками, курами, козами и всякой всячиной. Точно такие же пароходики ходят у нас вверх-вниз по Миссисипи. Увидев русский флаг, люди высыпали на палубу, что-то радостно крича и размахивая руками.

И тут я понял, что русских здесь по-настоящему любят. Придя из будущего и обладая огромным могуществом, они не стали корчить из себя олимпийских богов, а, засучив рукава, взялись за грязную работу. И теперь, кто бы что ни говорил, именно они решают, каким быть миру. О Боже, если ты есть – пусть эти русские будут добры и к нашему милому Диксиленду!

Когда вечером мы прошли узкие и длинные Дарданеллы с обугленными развалинами фортов по обоим берегам пролива, майор Семмс сказал мне, что на следующее утро мы уже будем в Константинополе. И тут я понял, что сказочное путешествие заканчивается, и что завтра на берег сойдет уже не пожилой путешественник, а президент страны, которая, пусть временно и прекратила свое существование, но вот-вот получит шанс на возрождение.

В тот вечер, после ужина в компании капитана Перова, майор Семмс, генерал Форрест, и ваш покорный слуга уединились в моей каюте с бутылочкой русского коньяка – подарком капитана (почему-то называвшего его «армянским»). Сей благородный напиток был вкуснее любого известного мне бренди, и привезенная с собой сигара изумительным образом сочеталась с его утонченным вкусом. И тут мы в последний раз перед приходом в Константинополь обсудили перспективы возрождения нашей многострадальной родины, а также вопросы, которые необходимо было обговорить с властями Югороссии. Мы надеялись добиться аудиенции с адмиралом Ларионовым в самое ближайшее время.

Рано утром на берегах сужающегося пролива мы увидели огромный экзотический восточный город, гораздо больший по размерам, чем Вашингтон-Сити. Огромные и прекрасные мечети, деревянные и каменные дома, дворцы и башни... Над самой большой мечетью, по углам которой стояло четыре минарета, возвышался... да-да, самый настоящий православный крест. Майор Семмс подсказал мне, что это и есть та самая знаменитая «Святая София», которую турки переделали в мечеть, а русские снова сделали христианской церковью.

Тем временем наш корабль обменялся салютом с берегом и стоящим на якоре кораблем под Андреевским флагом. Потом он бросил якорь прямо напротив большого и красивого дворца. Майор Семмс на правах человека, уже однажды побывавшего в этих краях, пояснил мне, что это Долмабахче – еще до недавних пор дворец турецкого султана, а ныне резиденция правительства Югороссии.

Мы почти прибыли. На набережной у дворца стояла толпа людей и махала руками, шапками и флагами. Так они встречали вернувшихся из похода своих моряков. Кэптен Перов сказал нам, что, поскольку наша миссия тайная, то лезть сейчас в толпу было бы неосмотрительно – так можно привлечь к себе ненужное внимание. Когда люди разойдутся, за нами прибудет катер, и нас доставят прямо в наши апартаменты, расположенные в этом же дворце. А пока мы можем понаблюдать за сценами народного ликования.

Когда люди, встречавшие из похода моряков, разошлись, и набережная опустела, нашу делегацию наконец пригласили в катер. Мы распрощались с кораблем, доставившим нас сюда, его гостеприимным командиром и любезными русскими матросами. И через несколько минут мы уже сходили на ту самую набережную, только в дальнем ее углу, в стороне от того места, где собирался народ. Кроме нашего катера, тут были пришвартованы несколько рыбацких лодок и шлюпка. Это место явно служило для доставки во дворец свежей рыбы и прочих провизии.

Встречал нас моложавый седобородый мужчина в сопровождении двух человек в пятнистой униформе. Когда мы сошли на берег, он отвесил нам легкий поклон и сказал:

– Президент Девис, генерал Форрест, майор Семмс, мистер Девои, добро пожаловать в Константинополь. Позвольте представиться – Александр Тамбовцев, министр иностранных дел Югороссии. Прощу прощения, что я встречаю вас здесь, а не у парадного подъезда, по всем правилам протокола. Но будет лучше, если ваш приезд к нам останется незамеченным посторонними лицами. Прощу вас следовать за мной, адмирал Ларионов и адмирал Семмс ждут вас.

Дальше нас повели по дворцу длинными и прохладными переходами, что контрастировало с царящим на улице зноем. Нас ждала встреча с человеком, который мог изменить и нашу судьбу, и судьбу миллионов южан, страдающих под бесцеремонным игом наглых янки-саквояжников. Еще ничего не было решено...

01 августа (20 июля) 1877 года. Плоешти. Штаб 2-го железнодорожного батальона.

Дмитрий Иванович Менделеев.

Да, задал мне задачу адмирал Ларионов! Вызвал, оторвав от изучения достижений потомков в области химии, и сказал:

– Уважаемый Дмитрий Иванович, я понимаю, что вам больше по нраву занятие чистой наукой, но сейчас идет война, и наука должна работать на повышение боеспособности армии и флота. Как у нас когда-то говорили: «Все для фронта – все для победы!» И я попрошу вас, Дмитрий Иванович, отправиться в Румынию, чтобы помочь в строительстве там нефтеперерабатывающего завода. Нашей технике нужно горючее. Нефть добывается в Плоешти, а в Констанце нужно ее превратить в бензин, керосин, и солярку. Со временем мы построим трубопровод между двумя этими городами, а пока 2-й железнодорожный батальон строит железную дорогу для перевозки нефти из Плоешти в Констанцу. Точнее, до того самого нефтеперерабатывающего завода, что в самое ближайшее время будет построен рядом с портом.

После небольшой паузы адмирал продолжил:

– Дмитрий Иванович, вы ведь недавно вернулись из САСШ, где изучали работу тамошних нефтеперегонных заводов?

Я кивнул.

– А что, по вашему мнению, можно использовать из заокеанского опыта в наших условиях? – спросил он. – Есть ли у американцев какое-либо преимущество перед нами?

На мгновение я задумался. Мне вспомнились нефтеперегонные заводы в Питтсбурге, где поступающая с мест добычи нефть перерабатывалась в керосин. Сказать по чести, ничего такого особенного я у американцев не увидел, лишь отметил их размах и деловитость. Вот это нашим промышленникам не мешало бы перенять.

– Видите ли, Виктор Сергеевич, – начал я, – я не считаю наши нефтеперегонные заводы в чем-либо хуже заморских. Если бы государство уделяло им больше внимания, и больше денег давало бы на их строительство, то нефтепродуктов мы могли бы добывать и перерабатывать гораздо больше, чем САСШ.

– Отлично, – сказал адмирал Ларионов, – к завтрашнему дню изложите в письменном виде свои соображения на этот счет, и передайте их Александру Васильевичу. Мы прикинем, чем вам помочь и какие силы мы можем привлечь к строительству нефтеперерабатывающего завода и причалов для танкеров.

Увидев мой недоуменный взгляд, Виктор Сергеевич усмехнулся и сказал:

– Дмитрий Иванович, танкер – это корабль для перевозки наливных грузов, в том числе и нефти. Первое в мире подобное судно будет построено в будущем году в Гетеборге по заказу бакинского «Товарищества братьев Нобель» для перевозки керосина по Волге из Баку в Царицын. Мы хотим заказать несколько танкеров для нужд Югороссии на Херсонских судоверфях. А в помощь вам я дам несколько своих офицеров, знакомых с вопросами нефтепереработки, а также сводный отряд матросов, обладающих профессиями сварщиков, механиков и слесарей. Естественно, с соответствующим оборудованием. И еще взвод морских пехотинцев, чтобы обеспечить вашу безопасность. Я считаю, что наши враги, узнав о строительстве завода, сделают все, чтобы не дать ему заработать на полную мощность.

– Понятно, – сказал я, – постараюсь к завтрашнему дню подготовить памятную записку.

И вот я уже в Плоешти, куда меня доставили вертолетом. Летел я на этом виде транспорта потомков впервые, и был в восторге от ощущений во время полета. Единственно, что мне не понравилось – это страшный, от которого у меня потом долго болела голова.

В Плоешти меня уже ждал командир 2-го железнодорожного батальона полковник Генерального Штаба Александр Карлович Тимлер. Его подчиненные уже вторую неделю прокладывали путь в сторону Констанцы. По штату батальон состоял из четырех рот. Две из них –

строительные роты – предназначались для «исправления и разрушения» железных дорог, а две другие – эксплуатационные – для «усиления эксплуатации».

Всего в батальоне было два штаб-офицера, двадцать два обер-офицера, четырнадцать инженеров путей сообщения, три чиновника телеграфного ведомства, шесть гражданских чиновников, тридцать один специалист, принятый по вольному найму, седи которых четыре техника, двадцать два машиниста (всего же по штату полагалось сорок четыре машиниста), два котельщика, три водопроводчика.

По штату в строительные роты входило: десять офицеров, врач, пять инженеров путей сообщения, четыре техника, а также нижние чины различных специальностей, в том числе дорожные мастера, десятники земляных, телеграфных и плотничных работ, путевые рабочие, плотники, гальванеры, телеграфисты, машинисты, кочегары, кузнецы, слесари и другие – всего сто девяносто шесть человек двадцати пяти специальностей. Кроме того, строительные роты имели свой подвижной состав: четыре паровоза, два вспомогательных вагона, четыре платформы, тридцать два вагона для нижних чинов и два вагона для офицеров. Для подвоза инструмента и материалов имелось четыре повозки.

По штату в эксплуатационных ротах состояло четырнадцать офицеров, девять инженеров путей сообщения, пять гражданских чиновников, врач, четыре чиновника телеграфного ведомства, а также машинисты, их помощники, кочегары, составители поездов, прицепщики, смазчики, слесари, телеграфисты и другие – всего триста тридцать семь военнослужащих тридцати двух специальностей. Эксплуатационные роты имели принадлежностей поездной прислуги в расчете на десять поездов, инструмент для ремонта пути, смазочные материалы, оборудование для телеграфной службы, а также девять повозок.

Казалось бы, сила немалая. Но милейший Александр Карлович жаловался мне, что в состав железнодорожных команд поступали нижние чины далеко не из лучших. По прибытии из частей они распределялись для обучения по железным дорогам, от которых получали содержание. Будучи разбросаны по всей линии, живя с простыми рабочими из крестьян и часто подчиняясь тем в лице старших рабочих, они утрачивали воинский вид и представляли из себя рабочую команду. К тому же многие нижние чины поступали полуграмотными, а потому для обучения непригодными...

Да-с, такова была наша российская действительность. Но строить было надо, и солдаты трудились не покладая рук. Конечно, им одним построить железную дорогу было просто невозможно. Тут не обойтись без вольных рабочих и подрядчиков.

Пришлось прибегнуть к помощи небезызвестного «железнодорожного короля России» Самуила Соломоновича Полякова, которому покровительствовал сам Государь. Ходили слухи, что покровительство это было небескорыстным. Нет, сам царь взяток не брал, но его морганатическая супруга Екатерина Михайловна Долгорукова, она же светлейшая княгиня Юрьевская... Впрочем, это не моего ума дело.

Так вот, как я знаю, хотя и воровал Поляков отчаянно, железные дороги он строил чрезвычайно быстро. Во время строительства он денег не жалел, зная, что потом за все получит сторицей. Вот и сейчас, едва получив подряд, приказчики Полякова развили бурную деятельность.

Дорогу протяженностью более трехсот верст строили со скоростью пять верст в сутки. Строительство велось круглосуточно (ночью – при свете факелов или костров) и одновременно на нескольких участках. Всего на стройке было занято около одиннадцать тысяч румын и солдат железнодорожного батальона. Кроме того, в распоряжении руководства имелся резерв в четыре тысячи человек. Доставка материалов для строительства полотна осуществлялась на пяти с половиной тысячах подвод.

В общем, работа здесь кипит, и, даст Бог, через месяц-два можно будет в специальных емкостях перевозить нефти в Констанцу. Такие емкости, которые называются цистернами, я

уже видел в САСШ. Да и у нас их начали строить лет пять назад в мастерских Московско-Нижегородской железной дороги. А когда заработает построенная железная дорога Плоешти – Констанца, можно будет подумать и о трубопроводе.

Самое смешное, что идею строительства трубопровода для перекачки нефти предложил ваш покорный слуга еще в 1863 году, когда посетил нефтеперегонный завод господина Кокорева близ Баку. Я предложил ему использовать трубопровод для перекачки нефти от нефтяных колодцев до завода, и от завода до причала на Каспийском море. Тогда над моим предложением просто посмеялись. А всего через два года в САСШ фирма «Стандарт ойл» построила первый в мире нефтепровод диаметром полтора с лишним фута и длиной шесть верст. «Американцы как бы подслушали мои мысли», – писал я из Америки нашим бюрократам, для которых нет пророка в своем Отечестве.

Ознакомился я и с тем, как добывают нефть в Плоешти. Надо сказать, что делают это здесь с незапамятных времен. Валахи черпали ее из колодцев глубиной до тридцати саженей, огороженных лишь плетнем. А вот в начале 1857 года братьями Мегединцеану в там построили первый в Европе нефтеперерабатывающий завод, на котором начали промышленное производство нового осветительного материала – керосина.

Вскоре вместо выкопанных лопатами колодцев появились пробуренные скважины, и нефть стали добывать все в большем количестве. В прошлом году промыслы в Плоешти дали более ста десяти тысяч баррелей (или 15 тысяч тонн, по единицам измерения наших потомков). Много. Но в Баку нефти еще больше. Только вот, транспортировать ее оттуда накладно: морем до Астрахани, потом по Волге до Царицына, а оттуда по железной дороге до портов Черного моря. Но все же, как ни крути, придется завозить керосин и бензин оттуда. Как сказал адмирал Ларионов, Югороссии горючего надо много.

Разобравшись с состоянием дел в Плоешти, я отправился на пароконной коляске в Констанцу. Туда должен был прийти корабль с обещанными Виктором Сергеевичем ИХ специалистами. Надо будет начать строительство завода и причалов. Время не ждет...

1 августа (20 июля) 1877 года. София, Болгария.

Бывший полковник армии САСШ Джон Александер Бишоп.

Дорога была долгой и сложной. В Бекете на вокзале нас встретил человек Саида и провел на паром. Оттуда мы перебрались на болгарский берег, в Оряхово (ну и названия у этих болгар, попробуй выговори...) Там нас уже поджидал другой человек Саида, с лошадьми (кстати, совсем неплохими). Но в ответ на слова благодарности он потребовал заплатить ему такую астрономическую сумму, что Шерман его даже переспросил дважды, сначала подумав, что плохо понял ломаный немецкий своего визави. Ничего не поделаешь – пришлось заплатить, после чего этот вор отдал нам лошадей и показал дорогу, ведущую на Софию через горы.

Ехали мы долго, причем практически без остановок. Только когда лошади стали спотыкаться от усталости, пришлось дать им часок отдохнуть на поляне около дороги. За это время мы пристреляли наши новые ружья. Братья Джонсоны сказали, что их не сравнить со старыми, украденными, но стрелять из них все же можно. Ночевать нам пришлось в жуткой дыре под названием Мездра, в самом настоящем клоповнике, носившем гордое название «Отель Ритц». Потом последовал последний рывок через горы, и после полудня мы, спускаясь в долину, увидели Софию.

Такое красивое название – и такой неказистый городишко... Кривые улочки, маленькие домики, кое-где небольшие, вросшие в землю, церкви и мечети. По сравнению с этим убожеством даже Бухарест – это как Нью-Йорк. Да что там Бухарест – Канзас-Сити и то дал бы сто очков форы этой болгарской Софии...

Граница города пролегла по речушке, через которую был перекинут неказистый мостик; потом мы узнали, что река именуется Владейской рекой, а мост – Шарен мост. У моста было

здание стражи, которое сейчас пустовало: после победы над османами турецкие стражники, очевидно, попросту разбежались, а новых, болгарских, пока еще не набрали.

Дом Ахмета Мехмет-Оглы, брата Саида, находился напротив места, называемого «Баши хамам» – Саид написал это слово на листке бумаги. Он же приложил схему, согласно которой нам нужно было следовать по дороге, по которой мы въехали в город, никуда не сворачивая. И этот «хамам» должен был быть первым крупным зданием, с левой стороны дороги, не являвшимся ни церковью, ни мечетью.

Однако на первой же развилке мы, похоже, повернули не туда – и совершенно неожиданно оказались в лабиринте маленьких улочек. Мы попытались выехать на ту улицу, по которой ехали первоначально, но заблудились еще сильнее. Не раз мы спрашивали у людей «Баши хамам», но они лишь с улыбкой кивали нам головой, ничего не говоря. Лишь через час нам повстречался человек, немного говоривший по-немецки – он не просто указал путь к этому самому проклятому «хамаму», но и привел к самому дому Ахмета. В Румынии за самую маленькую услугу с нас пренебреженно требовали денег, а этот же болгарин гордо отказался от вознаграждения. Какие же они странные, эти славяне.

Ахмет нас встретил настороженно. Но когда я передал ему письмо от Саида, сразу подобрел и пригласил пройти в его в дом, распорядившись, чтобы принесли еды и чаю – турки, как оказалось, не употребляют алкоголь. На хорошем английском наш гостеприимный хозяин упомянул, что провел несколько лет в английской школе под названием «Регби». Эти слова он произносил с непонятной мне гордостью. Сказать честно, я про нее никогда не слышал – да мало ли какие школы есть у этих лимонников.

Ахмет сказал, что дом, из окон которого хорошо видна Цареградская дорога, уже готов, и что сразу же после трапезы он нам его покажет, благо дом этот недалеко. Потом он пригласил меня полюбоваться его коллекцией эстампов с изображением его британской школы. Но когда мы зашли в комнату, где те висели, он сказал:

– Саид пишет, что вам необходим еще один дом, для страховки. И что про него не должен знать никто.

– Да, уважаемый Ахмет, это так, – ответил я.

– У нас есть еще один дом, с другой стороны дороги, – задумчиво сказал хозяин, – из него так же хорошо просматривается путь, по которому будет въезжать в наш город император этих русских шайтанов. Я вас туда приведу сегодня же ночью. Еще одно ружье у меня тоже есть. И оно, и патроны к нему уже в этом доме.

– Спасибо, Ахмет, – сказал я и добавил тихо ему на ухо, – вы просто прочитали мои мысли.

Турок бесшумно прошелся по комнате взад вперед, потом цокнул языком и сказал:

– После всего, что должно произойти, мне будет необходимо так же, как и вам, покинуть город. Ведь, направляясь ко мне, вы на каждом углу спрашивали, где находится мой дом. Мне уже об этом успели доложить. В любом случае, когда вы убьете и императора, и его наследника, то русские и болгары будут в такой ярости, что мне и моим соплеменникам не миновать беды. Так что мы пойдем вместе. Ваших людей выведут к месту встречи мои верные слуги, а вас к нужному месту я проведу лично. Вам всем придется заранее переодеться в местную одежду. Потом мы, как и планировали, доберемся до западной границы – до нее отсюда не более сорока миль.

– Благодарю вас, уважаемый Ахмет, – кивнул я. – А может так случиться, что все мои люди, скажем так, погибнут от рук местных жителей? Ведь болгары и русские – варвары, которые счастливы лишь тогда, когда убивают иностранцев. А если русские власти будут считать, что все, кто покушался на жизнь их императора, мертвы, то нас с вами не станут так уж сильно искать.

Ахмет сначала удивленно посмотрел на меня, а потом зловеще улыбнулся, прикрыл глаза и сказал:

– На все воля Аллаха. И на это, думаю, тоже...

1 августа (20 июля) 1877 года. Полдень. Константинополь. Дворец Долмабахче.

Два человека разговаривали, прогуливаясь по тенистой аллее дворцового парка. Они шли и беседовали, не замечая яркого южного солнца и шума волн, разбивавшихся о мраморные ступени пристани. Глава Югороссии Виктор Сергеевич Ларионов учил уму-разуму будущего Великого Князя Болгарии Сержа Лейхтенбергского:

– Поймите и запомните, Сергей: Болгария – это страна, к которой Россия во все времена относилась по-братски, а в ответ получала порой плевки и оскорбления.

– Я уже слышал об этом, – кивнул тот. – Когда стало известно, какую должность сосватал мне дядюшка, Ирина поспешила рассказать мне кое-что из вашего прошлого, а нашего будущего. Но почему так случилось, Виктор Сергеевич?

– Видите ли, сейчас в отношении болгар и русских царит эйфория, – ответил адмирал. – Своего рода «медовый месяц». Пока еще слишком свежа память о турецких зверствах, и воздух свободы одинаково пьянит интеллигенцию, купцов и простой народ. Но пройдет время, и это опьянение пройдет. И в том, что так произошло в прошлом, во многом виновата сама Россия. Вместо того, чтобы захватывать командные посты в экономике страны, назначенные Россией чиновники уповали на грубую силу, административные методы управления. А экономика – это базис, на котором зиждется политика и идеология. Но это еще многим в этом времени неизвестно. Мы же через это уже прошли. Так вот, в Европе уже начали завоевывать страны не с помощью оружия, а с помощью денег. Зачем убивать влиятельного человека, если его можно просто купить? И еще: страны, которые желают подчинить себе другую страну, находят представителей так называемой «национальной интеллигенции», которая глупа и продажна. В их головы исподволь вкладывают мысли о том, что «культурная Европа» лучше «дикой России». Сама же Европа будет всеми силами раздувать эту мысль среди тех, кто будет получать образование в ее университетах и элитных школах. В качестве противовеса этому влиянию мы будем развивать экономику Болгарии, привязывая ее к Югороссии, и создадим у себя Константинопольский университет. Надо как можно быстрее создавать сильную прорусскую партию в Болгарии, чтобы не дать вашей стране сползти во враждебный России альянс. Прежде всего не спускайте глаз с Австро-Венгрии. Правда, сейчас Двуетная монархия серьезно ослаблена тем, что Германская империя отказалась следовать в одном строю с Веной. Но ведь канцлер Бисмарк не вечен, и пришедшие ему на смену политики могут снова переориентироваться на союз с Австро-Венгрией. Скверно, что у Болгарии с самого начала стали складываться плохие отношения с ее православными соседями. И тут Австрия подгадила: правящий Сербией князь Милан Обренович смотрит в рот австрийскому императору Францу-Иосифу. И в нашей истории сербы в 1881 году заключат с Австрией тайную конвенцию, направленную против России, а в еще через четыре года нападут на Болгарию. Вот так-то, Сергей... Наши недруги будут все время раздувать вражду между балканскими славянами, всячески противясь их союзу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.